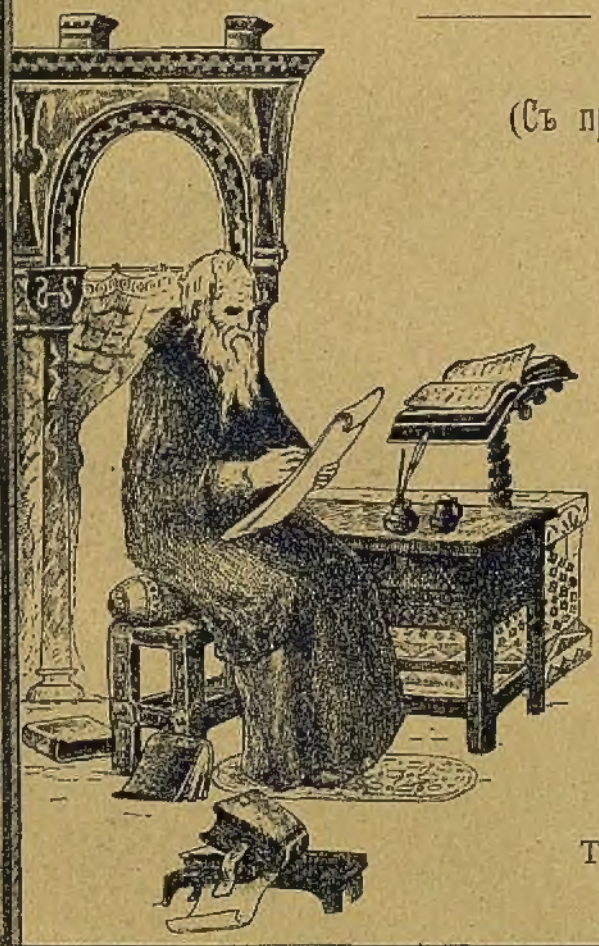
U 164/201

ОЧЕРКЪ ГЕТМАНСТВА

ПЕТРА САГАЙДАЧНАГО.

(Съ приложеніями).



И. Каманина.

КІЕВЪ.
Типографія М. М. Фиха.
1901.

С. ПАВЛЕНКОВЪ.

фб
И 164/201 с1
ф 1-77/10841

ОЧЕРКЪ ГЕТМАНСТВА

ПЕТРА САГАЙДАЧНАГО.

(Съ приложеніями).

И. Каманина.

КІЕВЪ.
Типографія М. М. Фиха, Б.-Васильковская ул., домъ № 10.
1901.

Оттискъ изъ XVI-й книги „Чтеній Историческаго Общества Нестора-лѣтописца". Печатано по опредѣленію Совѣта Общества. Предсѣдатель *Н. Дашкевичъ*

Ф-31621-41

2007053187

ПЕТРЪ КОНАШЕВИЧЪ САГАЙДАЧНЫЙ,

ГЕТМАНЪ.

(1606—1622 г.)

Имѣя въ виду въ своемъ „Очеркѣ гетманства П. Сагайдачнаго“ лишь сгруппировать главные факты его дѣятельности и установить значеніе послѣднихъ для характеристики славнаго вождя козачества и создателя его могущества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, дополняемъ ихъ нѣсколькими новыми данными, надѣясь въ ближайшемъ будущемъ представить гетманство Сагайдачнаго со всѣми подробностями, какія намъ удастся только собрать къ тому времени.

Прилагаемые нами къ „Очерку“ матеріалы рисуютъ то возбужденное настроеніе всѣхъ классовъ мѣстнаго населенія, которое проявилось въ Кіевскомъ воеводствѣ въ періодъ 1606—1622 года, когда это населеніе почти уже было готово подняться для рѣшенія оружіемъ религіозныхъ и политическихъ вопросовъ. Одна часть такого же содержанія матеріаловъ напечатана была еще въ 1863 г. проф. В. Б. Антоновичемъ въ 1-мъ томѣ III-ей части „Архива Юго-Западной Россіи“; мы предлагаемъ здѣсь остальную, какая могла быть найдена въ древнихъ актовыхъ книгахъ Центральнаго архива при Университетѣ св. Владиміра. Матеріалы касаются не лично гетмана, а дѣла козачества вообще; это подавленіе въ нихъ героя массой и личной инціативы общественнымъ настроеніемъ является для

своего времени характерной особенностью; даже о письмахъ Сагайдачнаго къ королю, посланныхъ имъ въ Варшаву въ февралѣ и мартѣ 1622 года, въ печатаемомъ нами ниже отрывкѣ письма (см. № XL) говорится какъ о письмахъ козачества, а не гетмана; это упоминаніе въ отрывкѣ письма о перепискѣ гетмана съ королемъ служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ доказательствъ подлинности переписки, сохраненной для насъ Самуиломъ Величкомъ (см. „Лѣтопись событій", т. I, прибавл., стр. 38—48).

Къ своему „Очерку" мы прилагаемъ также портретъ Сагайдачнаго (изъ коллекціи Кіевской духовной академіи), какъ воспроизведенъ онъ былъ покойнымъ проф. В. А. Бецомъ, и снимки (изъ книги Кассіана Саковича: „Вѣршѣ", 1622 г.) съ изображеній Сагайдачнаго на конѣ, взятія Кафы 1606 г. и герба Запорожскаго войска по передачѣ этихъ изображеній, М. А. Максимовичемъ въ 3-й книгѣ „Кіевлянина" за 1850 г.

Въ то время, когда нашъ „Очеркъ гетманства П. Сагайдачнаго" былъ уже отпечатанъ, появились въ свѣтъ весьма цѣнные „Замѣтки и матеріалы для исторіи пѣсни въ Россіи" В. Н. Перетца; въ число этихъ матеріаловъ занесены малорусскія пѣсни, писанныя польскимъ алфавитомъ и заимствованныя издателемъ изъ одного сборника 1713 г. Император. Публ. Библіотеки; между этими матеріалами есть нѣсколько историческихъ пѣсенъ, а изъ послѣднихъ одна—съ именемъ гетмана „Сагайдачника". Эта новая пѣсня (см. стр. 31) по начальнымъ словамъ и общему сложенію очень сходна съ пѣснью, разобранною нами въ „Очеркѣ"; въ нихъ обѣихъ говорится сначала о жнецахъ на горѣ и идущихъ козакахъ подъ горой; среди козаковъ указывается въ новой пѣснѣ присутствіе трехъ гетмановъ: Дорошенка, Сагайдачника и Дрогозденка. Характеристика перваго гетмана въ обѣихъ пѣсняхъ тождественна; о Сагайдачникѣ говорится, что онъ, „злой необачникъ", потерялъ триста козаковъ; о третьемъ гетманѣ Дрогозденкѣ, или правильнѣе Дрозденкѣ, Дроздѣ, сообщается,

что онъ ведетъ московское войско. Въ заключеніи новой пѣсни разсказывается о движеніи польскаго отряда, привѣтствующаго жнецовъ, и выражается желаніе, чтобы козаки отвѣтили на это привѣтствіе изъ самопаловъ.

Сходство обѣихъ пѣсенъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Народъ сложилъ пѣсню о Петрѣ Сагайдачномъ и Михаилѣ Дорошенкѣ въ 1621 г., вслѣдъ за Хотинскимъ походомъ. Во второй половинѣ XVII в., другой Дорошенко, Петръ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе современниковъ, и они увѣковѣчиваютъ память о немъ въ новой пѣснѣ. Старая пѣсня хорошо помнилась; ею и пользуются малорусскіе рапсоды, какъ готовою канвой, чтобы изобрзаить на ней подвиги Петра Дорошенка; отсюда начало пѣсни и характеристика главнаго героя тождественны. Но новая пѣсня изображаетъ событіе своего времени—борьбу народнаго героя съ предводителями отрядовъ его противника въ стремленіи соединить обѣ половины Малороссіи подъ единой гетманской властью. Противникомъ Дорошенка былъ Брюховецкій; въ моментъ борьбы послѣдній былъ далеко, въ Москвѣ, и народъ, слагавшій пѣсню объ этой усобицѣ, не знаетъ его, а считаетъ двухъ его полковниковъ, Брацлавскаго Дрозденка и Полѣсскаго Децика, за самостоятельныхъ гетмановъ; первзго изъ нихъ Дрозденка пѣсня опредѣляетъ какъ сторонника Москвы, каковымъ тотъ, дѣйствительно, и былъ, и говоритъ, что, онъ ведетъ московское войско. Второй—Децикъ забытъ въ новой пѣснѣ, и его имя замѣняется именемъ Сагайдачнаго изъ старой пѣсни; но фактъ, приписываемый ею Сагайдачному, дѣйствительно случился съ Децикомъ: онъ стоялъ подъ Кіевомъ въ селѣ Мотовиловкѣ; татары, помогавшіе Дорошенку, доходили до самой Мотовиловки и толпами губили или угоняли въ неволю сельскихъ жителей. Судьба этихъ полковниковъ была неодинакова: Дрозденко, осажденный въ Брацлавѣ, сдался Дорошенку и былъ имъ разстрѣлянъ въ Чигиринѣ, а Децикъ, вынужденный оставить безъ защиты Полѣсье, ушелъ со своимъ отрядомъ въ Кіевъ; за это, конечно, пѣсня и называетъ его „злымъ-необачникомъ“, погу-

бившимъ триста козаковъ. Послѣ ухода Децика, Мотовиловку занимаютъ безъ сопротивленія польскіе отряды; фактъ этотъ въ пѣснѣ выраженъ въ привѣтствіи поляковъ жнецамъ и въ пожеланіи послѣднихъ отвѣта на польское привѣтствіе изъ козацкихъ самопаловъ. Событія эти имѣли мѣсто въ 1665 году.

Объ эти пѣсни, старая и новая, переходя изъ устъ въ уста, смѣшивались; въ старую пѣсню попадали эпитеты изъ новой, какъ, напр. „злый, невдячный“, на что́ мы и указываемъ въ статьѣ въ одномъ изъ примѣчаній; а въ новую пѣсню изъ старой перешло имя Сагайдачнаго на мѣсто забытаго и малоизвѣстнаго имени Децика. Быть можетъ и имя „Сагайдачный“ измѣнилось въ новой пѣснѣ въ „Сагайдачника“ подъ вліяніемъ формы имени „Децика“.

Пѣснь о событіяхъ 1665 года, по сравненію съ пѣснью 1621 года, приводитъ насъ къ еще болѣе твердому убѣжденію въ принадлежности послѣдней эпохѣ Сагайдачнаго Петра, а не Григорія, какъ совершенно неосновательно предполагалъ покойный М. А. Максимовичъ.

Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго.

„Теды тежъ и Россіа Петра Сандачного
„Подасть людемъ въ памятку вѣку потомного".

(изъ „Вершей" Кас. Саковича).

Исторія козачества до настоящаго времени разработана не въ одинаковой степени. Болѣе обстоятельно изслѣдованъ лишь періодъ отъ половины XVII и почти до половины XVIII в.: періоды же начальный и конечный ждутъ еще своей очереди: несомнѣнно, конечный періодъ будетъ представленъ во всѣхъ своихъ сторонахъ, благодаря обилію матеріала и въ русскихъ и въ польскихъ архивахъ: въ начальномъ же періодѣ многіе вопросы могутъ быть рѣшены лишь съ нѣкоторой, болѣе или менѣе близкой къ истинѣ, вѣроятностью. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о событіяхъ въ гетманство „запнаго рыцера" Петра Конашевича Сагайдачнаго, событіяхъ, о которыхъ мы поведемъ рѣчь.

---

§ 1.—Южно-русское козачество, зародившись вскорѣ послѣ татарскаго нашествія, въ миѳическій періодъ своей исторіи и въ эпоху литовскихъ князей, было поглощено одной заботой—улаженіемъ своихъ мирныхъ отношеній къ татарамъ;

однако, стремленіе русской колонизаціи все далѣе къ югу вызывало татарскіе набѣги, на которые козачество отвѣчало походами на Крымъ и даже на Константинополь.

Люблинская унія 1569 г. измѣнила жизнь Южной Руси и поставила козачеству новыя задачи. Русское населеніе не могло примириться съ новыми порядками, которые стало вводить польское правительство; тяжеле всего прививался къ населенію новый сословный строй и новыя экономическія отношенія между шляхетствомъ и народной массой: старое русское боярство должно было отказаться отъ прежняго привилегированнаго положенія, съ потерей котораго оно теряло и свои земли, переходившія теперь въ руки польскихъ магнатовъ или тяготѣвшей къ Польшѣ русской знати. Населеніе, недовольное нарушеніемъ старыхъ „правъ вольныхъ, христіанскихъ, добрыхъ, справедливыхъ“ и введеніемъ непріятныхъ и чуждыхъ ему „новинъ“, стало двигаться еще далѣе на югъ или выступать на борьбу съ польскими панами. Отношенія къ татарамъ и полякамъ обострились вслѣдствіе этого; взаимныя нападенія стали ожесточеннѣе и чаще.

Борьба съ польскими панами открывается возстаніемъ Кришпофа Косинскаго и продолжается Наливайкомъ и Лободой; окончилась эта борьба, какъ извѣстно, пораженіемъ козачества и казнью гетмановъ. Южная Русь должна была смириться, тѣмъ болѣе что и преемники Наливайка и Лободы были люди малоспособные и малоизвѣстные; они ограничивались мелкими походами на Крымъ, участіемъ въ шведской войнѣ и московской смутѣ да грабежами внутри своей же страны. Таковы были Христофоръ Печковскій (1596 г.), Тихонъ Байбуза (1597—98 гг.), Полоусъ (1598 г.), Самуйло Кошка, Иванъ Куцковичъ, Иванъ Косой[1]), Гаврило Куртиевичъ[2]) и Григорій Ивановичъ (1606 г.)[3]).

[1]) Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, т. I, стр. 45—81 („Бурколабовская хроника“).—Listy Stanisława Żołkiewskiego, Краковъ 1868, стр. 82, 86—90.

[2]) М. А. Максимовичъ: „Сказаніе о Сагайдачномъ“ въ Полн. Собр. соч. т. I, стр. 336—357.

[3]) Арх. Ю.-З. Рос., ч. III, т. I, стр. 152.

Украина ждала своего вождя и устроителя, и въ 1605 году онъ заявилъ о себѣ; по обычаю онъ началъ войной; грянулъ страшный бой: козаки разорили турецкій городъ Варну. О походѣ козаковъ на Варну, сообщаетъ въ „Исторіи Малой Россіи“ Н. Бантышъ-Каменскій, [1]) ссылаясь на Миллера и Энгеля и оговариваясь, однако, что имя козацкаго вождя неизвѣстно; издатели „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа“, проф. В. Антоновичъ и М. Драгомановъ, [2]) приписываютъ этотъ походъ Сагайдачному. Въ виду достигнутаго козаками блестящаго успѣха (тогда они ограбили и сожгли городъ, перебили много жителей и захватили десять турецкихъ галеръ) можно, пожалуй, думать, что это былъ первый успѣхъ Сагайдачнаго; чувствуется дѣйствительно сильная рука новоизбраннаго вождя. Въ 1606 году еще болѣе тяжелый ударъ былъ нанесенъ имъ Кафѣ (теперь Ѳеодосія), гдѣ томилось много плѣнниковъ-христіанъ и гдѣ они продавались на невольничьемъ рынкѣ. Побѣда эта стоила туркамъ потери 14000 человѣкъ и сожженія и потопленія многихъ каторгъ. Относительно времени нападенія козаковъ на Кафу южно-русскіе историки не сходятся въ своихъ мнѣніяхъ: такъ, напр., Н. Бантышъ-Каменскій относитъ этотъ фактъ къ 1612 г., неизвѣстно почему оказывая однимъ лѣтописямъ большее довѣріе, чѣмъ другимъ. М. Максимовичъ сначала годомъ взятія Кафы считалъ 1616-й, основываясь на книгѣ „Вѣршѣ“, напечатанной въ 1622 году въ лаврской типографіи въ Кіевѣ и заключающей въ себѣ надгробные стихи, сочиненные тогда же ректоромъ братской школы Кассіаномъ Саковичемъ и произнесенные студентами при погребеніи Сагайдачнаго; въ этой книгѣ находится изображеніе взятія Кафы; по сторонамъ изображенія означена дата; вслѣдствіе позднѣйшей приписки къ этой датѣ славянской цифры ѳ получился 1616-й годъ; ошибку М. Максимовичъ впослѣдствіи обнаружилъ и исправилъ; но

---

[1]) Ист. Мал. Россіи, т. I, стр. 161, Москва 1842 (3-е изданіе).

[2]) Историч. пѣсни Малорус. парода, т. II, стр. 245.

Н. Костомаровъ этой поправкой не воспользовался и продолжалъ относить дату событія къ 1616 г.; между тѣмъ настоящая дата правильно означена не только въ книгѣ „Вѣрши“, но и у многихъ козацкихъ лѣтописцевъ. „Исторія Руссовъ“, приписываемая Георгію Конисскому, помѣщаетъ разореніе Кафы подъ 1613 годомъ, дополняя картину этого разоренія подробностями о побѣдѣ козаковъ надъ турками подъ г. Козловымъ и надъ татарами въ Южной Руси у Конскихъ Водъ на обратномъ пути изъ похода.

Въ обоихъ указанныхъ нападеніяхъ предводительствовалъ молодой кошевой атаманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный; ими онъ упрочилъ за собой славу великаго полководца своего времени, которая осталась за нимъ неомраченной до самой его смерти.

Съ этого момента, говоритъ покойный И. Срезневскій, начинается военная слава запорожцевъ. Къ сожалѣнію, начало этой славы не можетъ быть представлено обстоятельно вслѣдствіе недостатка положительныхъ историческихъ данныхъ: народныя думы забыты; лѣтописцы болѣе ранніе не дошли до насъ, а болѣе поздніе сообщаютъ непровѣренныя и противорѣчивыя извѣстія; самый же точный историческій источникъ— древнія актовыя книги — пострадалъ отъ времени и войнъ и сохранился въ ограниченномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе, и то, что уцѣлѣло, даетъ возможность представить и личность Сагайдачнаго и событія его гетманства въ болѣе яркомъ освѣщеніи.

§ 2. Время рожденія Сагайдачнаго неизвѣстно; краткія же біографическія свѣдѣнія о немъ мы находимъ въ „Вѣршахъ“, читавшихся кіевскими студентами при погребеніи гетмана;[1]) онъ родился въ окрестностяхъ Перемышля въ Подгорьи (по словамъ І. Ерлича, въ Самборѣ) въ православной семьѣ околичнаго, какъ предполагаютъ, шляхтича. „Вѣршѣ“ говорятъ далѣе, что онъ получилъ образованіе въ Острожской школѣ, пробывъ

[1]) Ист. Кіев. Дух. Акад. С. Голубева, вып. 1 й, стр. 17—40, приложеніе.

въ ней „часъ не малый“; мы не знаемъ также, какіе годы провелъ здѣсь Сагайдачный, но, судя по тому, что его „молодыя лѣта“, проведенныя въ г. Острогѣ, совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда тамъ науки „квитли“, можно думать, что это было въ 80—90-хъ годахъ XVI столѣтія, когда школа достигла наибольшаго разцвѣта, когда тамъ собрались лучшія умственныя силы, когда тамъ заведена была типографія и стали печататься труды мѣстныхъ ученыхъ: ко времени пребыванія Сагайдачнаго въ Острогѣ можетъ относиться и его сочиненіе: „Объясненіе объ уніи“, названное канцлеромъ Львомъ Сапѣгой „предрагоцѣннымъ сочиненіемъ“. Оно могло быть написано лишь послѣ 1596 года, когда унія была провозглашена, но не дошло до насъ ни въ печати, ни въ рукописи, и было, вѣроятно, его студенческой работой; намъ извѣстны теперь труды нѣсколькихъ студентовъ Острожской школы, а одно изъ нихъ даже напечатано проф. А. И. Соболевскимъ въ „Чтеніяхъ“ Общества Нестора-лѣтописца [1]), именно, „Похвала Исаіѣ Балабану“.

Время избранія Сагайдачнаго въ гетманы также неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, относить это избраніе ни къ 1598 г., какъ предполагалъ покойный М. Максимовичъ въ своемъ „Изслѣдованіи“, ни къ 1601 г., какъ онъ же, вопреки себѣ, высказалъ объ этомъ догадку въ „Сказаніи“, „при имѣющихся теперь данныхъ, нельзя уже.“ [2]) Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что послѣ Наливайка и Лободы гетманская булава находилась въ рукахъ восьми лицъ, названныхъ нами выше, изъ которыхъ послѣднимъ былъ Григорій Изановичъ: универсалъ его, извѣщающій обывателей о предполагавшемся въ декабрѣ 1606 г. нападеніи татаръ, занесенъ въ актовыя книги подъ 20-мъ января 1607 года. [3]) Вѣроятнѣе будетъ поэтому пред-

---

[1]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. VIII. отд. III.

[2]) Полн. собр. сочиненій, т. I, стр. 336 и 358.

[3]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. I. стр.152.

полагать, что первые военные успѣхи Сагайдачнаго доставили ему въ 1606 г. и высокое званіе гетмана всего Малороссійскаго козачества, хотя вступленіе его въ ряды русскаго рыцарства могло имѣть мѣсто ровно 300 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1601 г. Наше предположеніе подтверждаютъ и „Вѣршѣ“, свидѣтельствующіе, что Сагайдачный только „чрезъ часъ немалый жилочи“ въ Запорожьи „и рицерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи, гетманомъ потомъ собѣ войско го обрало“. Избраніе Сагайдачнаго въ гетманы именно въ 1606 году точно опредѣлено біографомъ и современникомъ его Кассіаномъ Саковичемъ въ „Вѣршахъ“. Саковичъ, само собой разумѣется, не могъ ошибаться въ опредѣленіи этого времени и потому заслуживаетъ полнаго довѣрія. Излагая главные факты жизни и дѣятельности Сагайдачнаго, Саковичъ не говоритъ однако о томъ, чтобы власть этого гетмана прерывалась: онъ, напротивъ, даетъ представленіе о ней, какъ о непрерывной и долгой. Между тѣмъ изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ гетманство Сагайдачнаго, т. е. съ 1606 по 1622 г., встрѣчаются имена и другихъ гетмановъ, именно: Григорія Тискиневича подъ 1610, [1]) Дмитрія Богдановича Барабаша подъ 1617 г. [2]) и Якова Неродича Бородавки подъ 1620—21 годомъ. [3]) Какъ же согласить теперь эти противорѣчія? Еще въ своей работѣ о „Козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“ [4]) мы указали на то, что въ концѣ XVI и началѣ XVII в. гетманская власть находилась въ періодѣ своего развитія, и развитіе тогда ея еще не завершилось: съ одной стороны, гетманами именовались и гетманы всего козачества и коневые атаманы Запорожья; съ другой, между польскимъ правительствомъ и козачествомъ шла постоянная борьба

[1]) Акты Южной и Запад. Рос., т. II, стр. 66—67.

[2]) Кіев. Стар. 1883 г., № 5, стр. 140—145.

[3]) Лѣтопись Сам. Величка, т. IV, 6 и 13 прилож.—Якова Собѣскаго: Ист. Хотин. войны, въ Мем. по исторіи Южной Россіи, вып. II., стр. 10—125. — Listy St. Żołkiewskiego“, стр. 146.

[4]) Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., кн. VIII, отд. II, 57—116.

изъ-за права избранія и назначенія гетмана; въ то время какъ козачество старалось это право удержать за собой, польское правительство, напротивъ, въ своихъ договорахъ съ нимъ всегда настаивало на томъ, чтобы козачество принимало „старшого,“ назначеннаго коронным гетманомъ; постоянно волновавшееся козачество, въ свою очередь, часто мѣняло своихъ избранниковъ: слѣдствіемъ этой борьбы было то, что одновременно появлялось нѣсколько гетмановъ. Какимъ путемъ достигли этого званія и почему лишились его Тискиневичъ и Барабашъ, мы не имѣемъ свѣдѣній; но объ Яковѣ Неродичѣ (Неродовичѣ, въ „Listach St. Zolkiewskiego“, стр. 146) Бородавкѣ находимъ подробности у Жолкѣвскаго и Собѣскаго. Въ первый разъ Бородавку избрали въ 1620 г. взбунтовавшіеся, выписанные изъ реестра, козаки въ то время, когда самъ Сагайдачный ходилъ съ нѣсколькими тысячами избранныхъ козаковъ подъ Перекопъ: Бородавка заявлялъ своимъ избирателямъ, что онъ „не только на море, но въ самое пекло“ готовъ идти съ козаками: во второй разъ онъ былъ избранъ подъ Хотиномъ, когда козаки думали, что Сагайдачный убитъ или попалъ въ плѣнъ. Этого опаснаго соперника Сагайдачный нашелъ болѣе удобнымъ и спокойнымъ для себя казнить. Въ числѣ другихъ современныхъ Сагайдачному гетмановъ могли быть или кошевые атаманы или „старшіе“, поставленные Польшей. Въ виду сказаннаго, мы, слѣдуя Саковичу, и считаемъ гетманство Сагайдачнаго съ 1606 по 1622 г.

§ 3. Обозрѣвая дѣятельность Сагайдачнаго, мы стараемся показать ниже, что своей главной задачей уже въ первые годы своего гетманства онъ поставилъ то, что удалось довершить впослѣдствіи лишь Хмельницкому, именно—„свободити Русскій народъ отъ подданства и ярма работнического“, или, какъ говоритъ Саковичъ, „вольности набыти“.

Но въ началѣ XVII вѣка силы козачества были еще очень слабы, а Польша, наоборотъ, весьма могущественна и

задумывала слить съ собой не только Южную Русь, но и Свверо-восточную. Отъ Сагайдачнаго требовалась сила генія, чтобы понять окружавшія его условія политической и экономической жизни и найти средства къ выходу на волю Русскаго народа; требовалась и необъятная сила энергіи, чтобы привести въ исполненіе намѣченныя цѣли. Уяснить себѣ эти средства и цѣли геніальнаго вождя козачества мы попытаемся, разсмотрѣвъ важнѣйшія событія времени его гетманства.

§ 4. Нами выше было указано уже на то, что выступленіе свое на историческое поприще Сагайдачный ознаменовалъ двумя блестящими побѣдами у Варны и Кафы. Турецкое правительство всегда считало поляковъ отвѣтственными за дѣйствія козаковъ и за ихъ набѣги отвѣчало такими же опустошительными набѣгами на южныя окраины Рѣчи-посполитой. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ Центральнаго архива нашего университета мы находимъ универсалы короля Сигизмунда III къ обывателямъ Кіевскаго воеводства о принятіи скорѣйшихъ мѣръ противъ готовящихся набѣговъ татаръ и противъ вторженія козаковъ въ турецкіе предѣлы; универсалы эти записаны подъ 4-мъ іюля и 22 ноября 1605 г. [1]).

Другимъ своимъ универсаломъ отъ 12 января 1606 г., король созываетъ уже обывателей въ посполитое рушеніе противъ татаръ [2]). Въ декабрѣ 1606 г. о новомъ набѣгѣ предупреждаетъ, какъ мы уже сказали, козацкій гетманъ Григорій Изаповичъ [3]). На этотъ разъ Польша успѣла предотвратить набѣгъ; 4 іюля 1607 г. она заключила перемиріе съ Турціей, обязавшись усмирить козаковъ и не допускать ихъ „заговоновъ“ [4]). Но она не въ силахъ была выполнить условія этого перемирія: строгія сеймовыя конституціи 1607 и 1609 гг. оста-

---

[1]) См. Приложенія №№ I и II.

[2]) Ibid, № III.

[3]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. I, стр. 152.

[4]) Collectanea z dzijopisow tureckich przez I. I. Sękowskiego, I. стр. 123—125.

П. К. Сагайдачный.

Взятіе Кафы 1606 года.

СВЕРДЛОВСК

вались недѣйствительными и цѣли не достигали: козаки какъ разъ въ это время разорили Очаковъ и Перекопъ[1]).

Въ концѣ 1608 или въ началѣ 1609 г. козаки сдѣлали, надо полагать, набѣгъ на берега Анатоліи, предавая все на своемъ пути огню и мечу, потому что, вслѣдъ за этимъ, именно 11 апрѣля 1609 г., Сигизмундъ III понуждаетъ короннаго и литовскаго гетмановъ и украинскихъ старостъ своимъ универсаломъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ прекращенію своеволія со стороны разнаго рода людей, собирающихся въ хоругви и нападающихъ на сосѣднія государства[2]).

Въ періодъ 1612 -1613 гг. козачество и Сагайдачный были заняты внутренними смутами въ Молдавіи и Валахіи, въ которыхъ приняли участіе и Турція, и Польша, и Венгрія; въ это время запорожцы заняли королевскія имѣнія, пользовались въ нихъ продовольствіемъ и собирались вторгнуться въ Валахію. Король удерживаетъ ихъ отъ этого и приказываетъ въ универсалѣ своемъ отъ 21 декабря 1613 г.[3]) возвратиться на свои мѣста. Въ то же время козаки столкнулись съ татарами, вторгнувшимися въ запорожскія владѣнія, и одержали надъ ними побѣду на р. Самарѣ, какъ отмѣчаетъ этотъ фактъ Максимовичъ, заимствуя его изъ „Исторіи руссовъ“ Конисскаго.

Въ 1614 году козаки разорили Синопъ, цвѣтущій городъ Анатоліи; разореніе было такъ жестоко, что привело въ ужасъ всю Турцію; жертвы и убытки были неисчислимы[4]). Турки грозили Польшѣ войной за эти разоренія.

Въ 1615 г. козаки выжгли окрестности Константинополя и напугали самого падишаха; возвращаясь, назадъ подъ Очаковымъ они сожгли турецкія суда[5]).

Въ 1616 году участи Синопа подвергся Трапезунтъ[6]).

[1]) Маркевичъ I, 103.
[2]) См. Прилож. № IV.
[3]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, стр. 190—192.
[4]) Collectanea p. Sękowskiego, стр. 126.
[5]) Н. И. Костомаровъ: „Богданъ Хмельн.“ I. 63.
[6]) ibid., стр. 64.

Смѣлость, быстрота и разрушительность этихъ набѣговъ превосходитъ всякія описанія; такой силы они не имѣли ни до, ни послѣ Сагайдачнаго и должны быть приписаны его военному генію. Они подняли всю Турцію на ноги. Огромныя полчища двинулись въ Подолію. Польскія войска не рѣшились вступить съ ними въ бой, и предводитель ихъ Жолкѣвскій просилъ мира: 26 сентября 1617 года въ Бушѣ между Турціей и Польшей заключено перемиріе.[1]) Въ 1619 г., какъ сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Жолкѣвскій, козаки подъ начальствомъ Сагайдачнаго ходили подъ Перекопъ и возвратились съ побѣдой[2]). Цецорская битва 1620 г. была вызвана не только козацкими нападеніями, но и политикой самой Польши, вмѣшавшейся въ молдавскія дѣла; польское войско понесло жестокое пораженіе; много погибло и взято въ плѣнъ польской знати: здѣсь же былъ убитъ и отецъ Богдана Хмельницкаго, находившійся при Жолкѣвскомъ съ небольшимъ отрядомъ козаковъ. Палъ въ этой битвѣ и Жолкѣвскій.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что козаки принимаютъ участіе въ отраженіи турокъ, когда тѣ являются въ польскіе предѣлы, неохотно и въ незначительномъ числѣ, какъ будто только для того, чтобы ихъ не обвинили въ союзѣ съ турками: самъ же Сагайдачный ни подъ Бушу въ 1617 г., ни подъ Цецору въ 1620 г. не идетъ, и въ цитированномъ нами выше письмѣ Жолкѣвскій пишетъ, что онъ ничего не знаетъ о многочисленныхъ войскахъ, которыя лишь обѣщаетъ въ своемъ универсалѣ Сагайдачный. Не хотѣлъ онъ идти и подъ Хотинъ въ 1621 г., какъ показываетъ изданная проф. В. Б. Антоновичемъ лѣтопись кіевскаго мѣщанина Божка Балыки, сына кіевскаго войта.[3]) Бывшему тогда въ Кіевѣ патріарху Ѳеофану надо было „широкими словы“ „мовить“, „упоминать“ и просить Сагайдачнаго, чтобы онъ, „со всею охотою и со всею своей силой“, „чинилъ бы“ „кривавый наступъ“ „подъ непріятеля Бо-

[1]) Н. И. Костомаровъ: Богд. Хмельн., I, стр. 65 и 66.
[2]) Listy St. Zołkiewskiego, стр. 146.
[3]) Сборникъ лѣтописей, стр. 87—90.

жого и хрестіанскаго“: но гетманъ только тогда позволилъ себя убѣдить, только тогда обѣщалъ идти противъ турокъ, когда и патріархъ Ѳеофанъ въ письмѣ, и королевскій посолъ Бартломей Обалковскій на словахъ дали увѣреніе въ томъ, что король своимъ „коштесомъ“ новопосвященныхъ митрополита и епископовъ для православной церкви „змоцнитъ и обваруетъ“. Какъ извѣстно, Сагайдачный не дождался этихъ утвердительныхъ „привилеевъ“, хотя король въ грамотѣ отъ 16 января 1622 года обѣщалъ даровать козакамъ правъ и вольностей въ-десятеро больше того, что пожаловалъ имъ король Стефанъ Баторій: [1]) въ апрѣлѣ того же года гетманъ умеръ отъ раны, полученной подъ Хотиномъ.

Разсматривая отношенія Сагайдачнаго къ Турціи, мы видимъ, что своими яростными нападеніями на нее онъ какъ бы дѣлаетъ усиліе поднять ее противъ Польши; когда же въ ея предѣлахъ турки появляются, гетманъ старается уклониться отъ участія въ войнѣ противъ нихъ и предоставляетъ туркамъ разбить поляковъ и тѣмъ ослабить силы государства, что было въ интересахъ козачества; и дѣйствительно, Польша или проситъ мира у Турціи или несетъ пораженіе; и только участіе Сагайдачнаго въ 1621 г. ради интересовъ православія приноситъ побѣду. Такое отношеніе Сагайдачнаго къ Турціи показываетъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать послѣднюю противъ ея воли своей союзницей въ борьбѣ съ Польшей, такъ какъ осуществить это намѣреніе мирнымъ путемъ онъ былъ не въ силахъ вслѣдствіе глубоко-враждебнаго настроенія козачества противъ мусульманъ: попытки Сагайдачнаго въ этомъ направленіи, т. е. попытки вступить въ союзъ съ Турціей, разбились бы о противодѣйствіе козацкой массы: быть можетъ, они то и приводили къ тому, что козаки выбирали себѣ другого гетмана: такъ они выбрали себѣ гетманомъ Бородавку, „готоваго идти не только на море, но даже въ самое пекло;“ это же обстоятельство

[1]) Сам. Величко, т. I, Приложеніе, стр. 40 и 41.

быть можетъ было причиной избранія и Тишкиевича въ 1610 и Барабаша въ 1617 гг.: „неодократно уже волею большинства онъ (Сагайдачный) едва не былъ лишаемъ верховнаго предводительства надъ Запорожскимъ войскомъ“, говоритъ Яковъ Собѣскій[1])

§ 5. Совершенно иными являются отношенія Сагайдачнаго къ Москвѣ. Съ самаго начала смутъ въ Московскомъ государствѣ и до совершеннаго ихъ прекращенія, онъ не принимаетъ лично никакого участія въ нихъ и съ лучшей и благомыслящей частью козачества держится въ сторонѣ или какъ бы умышленно увлекаетъ его въ морскіе походы противъ татаръ и турокъ. Извѣстное же участіе Сагайдачнаго въ Московскомъ походѣ 1618 г. королевича Владислава должно быть поставлено въ связь съ его внутренней политикой, какъ увидимъ далѣе, и объяснено, съ одной стороны, надеждой гетмана заслужить расположеніе короля и добиться улучшенія положенія православныхъ: съ другой, онъ могъ имѣть въ виду показать Московскому правительству выгодность для него союза съ сильнымъ козачествомъ.

Несмотря однако на то, что козаки, благодаря генію своего вождя, оказали великую услугу полякамъ и спасли королевича, надежды ихъ оказались тщетными и неоправдавшимися. Тогда только, именно въ 1620 г., Сагайдачный рѣшается прямо обратиться къ царю и просить его принять козаковъ на свою царскую службу; хлопотать объ этомъ посланъ былъ Петръ Одинецъ. Въ Москвѣ посольство было обласкано, но предложеніе гетмана отклонено: выдано лишь „лехкое царское жалованье 300 рублевъ денегъ“; однако, путивльскіе воеводы, пропустившіе козацкихъ пословъ въ Москву, получили строгій выговоръ: имъ было приказано „впредь такихъ великихъ дѣлъ безъ указу не дерзать“, „порухи дѣламъ не чинить“ и „такъ не глупить“, изъ опасенія „великой опалы“.[2])

---

[1]) Мемуары, вып. II, стр. 60.

[2]) Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. т. I. стр. 89—100.

Весьма возможно, что посольство Сагайдачнаго въ Москву окончилось неудачей вслѣдствіе также того положенія, которое занялъ въ этомъ дѣлѣ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, гостившій тогда у царя. Сагайдачный разсчитывалъ на поддержку Ѳеофана: между тѣмъ союзъ козаковъ съ царемъ былъ вовсе не въ интересахъ патріарха: царь не собирался воевать съ турками: Московское государство послѣ внутренней смуты не успѣло еще достаточно окрѣпнуть для этого, тогда какъ Польша вынуждена была на войну съ Турціей козацкими походами: патріархъ поэтому и старается привлечь на свою сторону козаковъ, посвящая тайно для православныхъ митрополита и епископовъ, и склонить ихъ къ союзу съ Польшею противъ „непріятеля Божого и христіанскаго“: въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ согласно съ польскимъ посломъ, обѣщающимъ королевскіе „привилеи“ для православныхъ іерарховъ: патріархъ же, конечно, надѣялся ослабленіемъ Турціи достичь улучшенія положенія христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Въ полемическомъ сочиненіи: „Wcielikacya niewinnosci,“ изданномъ въ 1621 г. Виленскимъ православнымъ братствомъ. разсказывается, что когда Сагайдачный, мучимый будто бы укорами совѣсти за пролитую христіанскую кровь во время Московскаго похода 1618 г., просилъ у патріарха отпущенія этого грѣха, то патріархъ, „съ облитымъ слезами лицомъ“, доказывалъ гетману обычными въ такихъ случаяхъ доводами, что въ этомъ походѣ нѣтъ никакого грѣха и что, наконецъ. этотъ грѣхъ легко загладится войною съ невѣрными въ союзѣ съ польскимъ королемъ[1]).

Изъ изложеннаго, намъ кажется, ясно, что Сагайдачный, оберегая Москву отъ козацкихъ походовъ, видѣлъ въ ней естественную и единственную союзницу Малорусскаго народа въ борьбѣ его противъ полонизаціи и окатоличенія и въ гетманской заботѣ о томъ, что бы малороссы не „обляшились“ и не стали „ушейщиками“.

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос.; ч. I. т. 7-й. стр. 310.

§ 6. Ведя открытую борьбу съ турками и татарами, избѣгая столкновенія съ Московскимъ государствомъ, Сагайдачный по отношенію къ польскому правительству держитъ себя вполнѣ самостоятельно, внушая ему страхъ, но въ тоже время старается избѣгать такихъ возстаній, какія были подняты его предшественниками: Косинскимъ, Наливайкомъ и Лободой, и окончились съ ущербомъ для козачества: онъ могъ бояться неудачнаго исхода открытаго возстанія и потери всего того, что пріобрѣтало козачество путемъ упорной, непрерывной, все болѣе усиливавшейся партизанской борьбы.

Главнымъ средствомъ для успѣха въ такой борьбѣ съ польскимъ правительствомъ и шляхтой было увеличеніе количества козаковъ и занятіе ими селъ и городовъ: населеніе изгоняло владѣльцевъ, составляло изъ себя сотни и отдавалось подъ начальство Сагайдачнаго. Начиная съ 1607 и въ послѣдующіе годы, т. е. въ 1609, 1611, 1613, 1616, 1618, 1619 и 1620,[1]) сеймовыя конституціи заключаютъ въ себѣ постановленія, прямо или косвенно относящіяся къ козачеству: они бываютъ направлены то противъ собирающихся въ отряды своевольныхъ людей, то противъ ихъ нападеній и разоренія имѣній королевскихъ и частныхъ владѣльцевъ, то противъ козацкихъ набѣговъ на сосѣднія государства, особенно на Крымъ и Турцію, то противъ подчиненія городовъ козацкому суду и проч. Вся сумма этихъ постановленій ясно свидѣтельствуетъ и о количественномъ ростѣ козачества и о не прекращавшемся въ его средѣ движеніи.

Кромѣ общихъ оффиціальныхъ извѣстій сеймовыхъ конституцій о томъ, что козаки отказываются отъ подчиненія панамъ и старостамъ, мы находимъ и частныя; такъ, напр., коронный гетманъ Жолкѣвскій говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Козаки овладѣли всею Кіевскою украйной, господствуютъ во всемъ Придніпровскомъ краѣ; что хотятъ, то и дѣлаютъ“.[2]) По другому извѣстію, „жители селъ и городовъ въ

[1]) Vol. legum., т. II и III.
[2]) Н. Костомаровъ: „Богд. Хмельн.“, т. I, стр. 58.

бассейнахъ рѣкъ Тетерева и Припяти образовали козацкія сотни и признали себя составной частью южно-русскаго козачества"[1]).

Для доказательства роста козачества къ концу перваго 25-лѣтія XVII в. мы имѣемъ также и непререкаемыя цифры люстрацій. Изданіе и изслѣдованіе этихъ статистическихъ данныхъ г. А. П. Яблоновскимъ привело его къ заключенію о необычайно быстромъ увеличеніи козачества въ періодъ гетманства Сагайдачнаго; такъ напр., Косинскій въ 1594 г. едва могъ собрать 5000 козаковъ; Сагайдачный въ 1616—1622 выставлялъ ихъ уже въ 10 разъ больше; но и такое число козаковъ изслѣдователь считаетъ ниже ихъ дѣйствительнаго количества[2])

Это-то обстоятельство и давало Сагайдачному силу, позволяло ему дѣйствовать въ значительной степени независимо; хотя козацкій гетманъ не рѣшался объявлять открытую войну польскому правительству, тѣмъ не менѣе онъ находилъ возможнымъ заставлять польскихъ пановъ чувствовать себя въ постоянной опасности, и средствомъ для этого служила, какъ мы сказали, непрерывная партизанская война во все время гетманства Сагайдачнаго: въ1617 и 1618 она принимаетъ очень широкіе размѣры, а въ 1619 г. Сагайдачный самъ становится въ главѣ козацкихъ силъ: но и въ этотъ крайній моментъ до кровопролитія не дошло: дѣло окончилось мирнымъ договоромъ. Начинаются же эти партизанскія войны какъ разъ съ избраніемъ въ гетманы Сагайдачнаго. Особенно упорно боролись въ 1607 Брацлавскіе и Корсунскіе мѣщане; конституція 1609 г. устанавливаетъ фактъ, что козаки продолжаютъ своеволіе и нападаютъ на города и замки; пользуясь войной Сигизмунда III съ Москвой, козаки продолжали разорять панскія имѣнія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, только что нами цитированномъ, гетманъ Жолкѣвскій писалъ, какъ мы видѣли, что казаки овладѣли всею Кіевскою украйной, и господствуютъ

---

[1]) Историческіе дѣятели Юго-Зап. Росс. вып. I-й, стр. 5.

[2]) Zródła dziejowe, .t. V и XXII pag. 465. Warszawa, 1877 и 1897.

во всемъ Придѣпровскомъ краѣ, устроя тамъ все по своей волѣ;[1]) позже, въ 1614 г., козацкія волненія усилились: гетманъ Жолкѣвскій разгонялъ ихъ [2]) въ Брацлавщинѣ, сносился съ реестровыми казаками въ Переяславѣ и послалъ универсалъ къ ротмистрамъ королевскихъ войскъ, приказывая имъ быть на готовѣ къ отпору, но (что особенно важно) не нападать на козаковъ и не раздражать ихъ, прибавляя, что къ козакамъ для переговоровъ отправлены уже королевскіе коммиссары.[3]) Коммиссарами былъ заключенъ съ козаками 15 октября подъ г. Житоміромъ договоръ. Это была первая извѣстная до сихъ поръ отправка къ козакамъ коммиссаровъ для переговоровъ и первый договоръ съ козаками польскаго правительства, какъ съ воюющею стороною; Костомаровъ цитируетъ этотъ договоръ по рукописи Импер. Публ. Библіотеки. Въ немъ обозначены лишь обязанности козаковъ, но не ихъ права: имъ запрещались войны съ сосѣдними государствами, сборъ своевольныхъ людей, походы на Черное море и проч., и въ тоже время предписывалось подчиненіе старостамъ и владѣльцамъ имѣній. Недовольные этимъ договоромъ, козаки отправляли въ началѣ 1615 г. пословъ къ королю, но послѣдній не нашелъ возможнымъ измѣнить въ чемъ-либо этотъ договоръ и въ универсалѣ своемъ повторяетъ тѣ обязанности, какія имъ возложены на козаковъ: подчиненіе панамъ, сохраненіе мира съ сосѣдними народами и неприсвоеніе себѣ земель, которыя козаки осмѣливались считать издавна имъ принадлежавшими [4]). Въ 1616 г. опять идутъ переговоры съ козаками и на тѣхъ-же условіяхъ.

Само собой разумѣется, козаки не могли быть успокоены такими универсалами и договорами: движеніе продолжаетъ расти въ теченіе 1617, 1618 и 1619 гг. Это огромное волненіе, къ сожалѣнію, обойдено вниманіемъ нашихъ историковъ, а между тѣмъ актовыя книги архива ярко его отражаютъ. Пользуясь

---

[1]) Богд. Хмельницкій Н. И. Костомарова т. I, стр. 58.
[2]) Ibid., стр. 62.
[3]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, стр. 196.
[4]) Ibid., стр. 198 и 200.

этими книгами, проф. В. Б. Антоновичъ отчасти лишь касается его въ своемъ „Изслѣдованіи о козачествѣ".

Волненіе началось неподоволь, но на столько чувствительно что уже въ 1617 г. это время въ тогдашнихъ актахъ называется „часомъ козацкимъ", когда даже и пляхта стала дѣйствовать „способомъ козацкимъ". Рисуя тогдашнее напряженное состояніе козачества, коронный гетманъ Стан. Жолкѣвскій, выступившій противъ него, намекаетъ обывателямъ, въ универсалѣ своемъ отъ 21 октября 1617 г., на связь козаковъ съ татарами, вторженія которыхъ они ожидали и забылись будто бы до того, что позволили себѣ прислать ему, Жолкѣвскому, „гордое и надутое" письмо, въ которомъ ставятъ ему на видъ, что движеніе польскаго войска отъ Паволочи къ Бѣлой Церкви причиняетъ большой убытокъ козацкимъ интересамъ. Не смотря однако на такую обиду, Жолкѣвскій не рѣшился напасть на Сагайдачнаго и предпочелъ проглотить горькую пилюлю. [1]) Между тѣмъ козацкое волненіе росло, и въ актовыхъ книгахъ архива мы находимъ указанія на разоренія, напр., м. Котельни, г. Радомысля и его окрестностей и селъ въ Кіевскомъ Полѣсьѣ; движеніе проявилось и на Волыни между городами Заславлемъ, Острогомъ и Владиміромъ.

Въ 1618 году и количество жалобъ на разоренія козаками панскихъ имѣній увеличивается, и самыя эти нападенія отличаются большей жестокостью; въ этомъ году сѣверная часть Кіевскаго воеводства, т. е. повѣты Житомірскій, Овручскій и часть, также сѣверная, Кіевскаго, были охвачены движеніемъ и особенно сильно опустошены: напр., окрестности Житоміра, г. Радомысль, м. Рожевъ, Трояновъ, Ходорковъ, Котельня, Кодня, Лещинъ, Паволочь, Брусиловъ, Коростышевъ, Трахтеміровъ, Корнинъ, и друг.; число же разоренныхъ селъ, входившихъ въ составъ волостей перечисленныхъ мѣстечекъ, очень велико; по свидѣтельству актовъ, въ это время была

[1]) См. Приложенія.

„сплошдрована“ вся территорія „Украины, Полиси и Литвы“ [1]). Замѣчательно, что жители разоренныхъ сель и городовъ также присоединялись къ движенію, образовывали изъ себя козацкія сотни и продолжали грабежъ сосѣднихъ имѣній

Въ свою очередь, и нашъ Кіевъ не остался безучастенъ. Здѣсь козаки соединились съ мѣщанами, чему покровительствовалъ даже войтъ Федоръ Ходыка, и обратили свое оружіе противъ слугъ Кіевскаго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина—Рутскаго и его оффиціала и игумена Выдубицкаго монастыря Антонія Грековича, котораго они за преслѣдованіе православныхъ и отобраніе въ унію церквей посадили въ Днѣпръ „подъ ледъ воды пыты“ [2]). И все-таки, несмотря на жалобы митрополита, дѣло не имѣло для Кіевлянъ сколько нибудь даже чувствительныхъ, а тѣмъ болѣе такихъ тяжелыхъ послѣдствій, какія должны были испытать жители Витебска за убійство Іосафата Кунцевича. Это, конечно, окончилось благополучно потому, что приведеніе приговора надъ виновными Кіевлянами въ исполненіе вызвало бы открытую войну съ козаками, а они нужны были теперь для Польши въ виду Московскаго похода королевича Владислава и ожидавшагося набѣга татаръ и турокъ. По этимъ же причинамъ и возстановленіе православной іерархіи патр. Ѳеофаномъ на Руси, по настоянію Сагайдачнаго, должно было, согласно обѣщаніямъ короля, быть «апробовано королевскими „консенсами“ и „привилеями.“ [3])

Въ актовыхъ книгахъ и въ изданныхъ уже историческихъ матеріалахъ [4]) мы находимъ и имена многочисленныхъ предводителей возставшихъ въ 1617—18 гг. козаковъ, мѣщанъ и крестьянъ; это были полковники Миско Фастовецъ, Ярошъ Сума, Василій Мировицкій, Александръ Кошка, Константинъ Тишевичъ, Юревичъ, Лапковой и многіе другіе [4]). Къ козацкому волненію

---

[1]) Арх. Ю.-З. Рос., ч. III, т. 3, стр. 211.
[2]) Сборникъ лѣтописей, стр. 85.
[3]) Ист. рус. церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 281.
[4]) Арх. Ю.-З. Рос., ч. III, т. 3, стр. 211, 213, 238, 259, а также и въ прилож.

1618 года пристаетъ и мелкая польская шляхта: ихъ полковниками были Станиславъ Калиновскій и Юзефъ Лисовскій: пристаютъ и православные знатные дворяне Немиричи, Олекшичи и Щенёвскіе. Полки Калиновскаго и Лисовскаго, возвратившіеся изъ Московскаго государства, гдѣ они также производили разбои и грабежи, весьма часто упоминаются въ актахъ. Роль Щенёвскихъ и Олекшичей менѣе важна. Но Самуилъ Немиричъ, особенно же Кришгофъ, силою и яростью своихъ разорительныхъ для шляхты подвиговъ поражаютъ читателя актовыхъ книгъ; Кришгофъ Немиричъ, напр., набираетъ собственный полкъ, соединяется часто съ полками другихъ предводителей: вмѣстѣ они ведутъ осады городовъ, берутъ ихъ штурмомъ и затѣмъ все предаютъ огню и мечу. Немиричъ встрѣтилъ себѣ противника въ князѣ Адамѣ Ружинскомъ; послѣднему удалось какъ то изловить Кришгофа Немирича и засадить его въ Житомірскій замокъ. Намѣстникъ Кіевскаго воеводы тотчасъ же созываетъ обывателей воеводства въ Житомірь на 24-е апрѣля „до купы“, т. е. что-то въ родѣ коннаго суда, для разсмотрѣнія обвиненій, тяготѣвшихъ надъ Немиричемъ. Къ сожалѣнію, Кіевскія декретовыя книги за 1618-й годъ не сохранились, и мы лишены возможности узнать, какой состоялся надъ нимъ приговоръ. Мы не излагаемъ здѣсь подробно дѣйствій каждаго изъ названныхъ выше предводителей, какъ ради краткости нашего очерка, такъ и вслѣдствіе нѣкотораго однообразія ихъ дѣйствій — штурмовъ, разореній и ограбленій панскихъ имѣній. Это козацкое движеніе привело Кіевское воеводство въ столь бѣдственное состояніе, что обыватели, собравшись на сеймикъ 1-го іюля, объявили о своей полной несостоятельности вносить подати. [1])

Въ такомъ затруднительномъ положеніи польское правительство принимаетъ обычныя мѣры. Въ 1617 г. и король и обыватели Кіевскаго воеводства обсуждаютъ лишь мѣры для

[1]) См. Прилож

предупрежденія козацкихъ волненій; мѣры эти довольно невиннаго свойства, напр.: не давать козакамъ продовольствія, боевыхъ припасовъ, удерживать отъ ухода въ Сѣчь крестьянъ и проч. Король, спустя нѣкоторое время, обращается, въ универсалѣ отъ 20 мая, къ возставшему населенію и приглашаетъ его успокоиться и разойтись; затѣмъ, въ универсалѣ отъ 22 мая, предписываетъ коронному гетману и Краковскому каштеляну соединиться и разсѣять бунтующихъ, а въ октябрѣ созываетъ обывателей собраться между Фастовымъ и Трилѣсами во всеобщее ополченіе; обыватели собрались, но о дѣйствіяхъ ихъ мы не находимъ свѣдѣній; вѣроятнѣе, что изъ этого собранія ничего не вышло, потому что въ декабрѣ мѣсяцѣ, прибывъ на новый сеймикъ и составляя инструкцію для своихъ пословъ на сеймъ 1619 г., обыватели поручаютъ имъ ходатайствовать объ ограниченіи или уничтоженіи козацкаго сословія и назначеніи коммиссіи для изслѣдованія причинъ безпорядковъ, производимыхъ козаками[1]). Но противъ полнаго уничтоженія козаковъ заговорили сами же поляки: извѣстный публицистъ Пальчовскій издалъ даже книжку подъ заглавіемъ: „О козакахъ—уничтожить ихъ или нѣтъ?“ Авторъ даетъ отрицательный отвѣтъ, доказывая, почему истребить козаковъ было бы „безчестно, безполезно и невозможно“ [2]).

Что же касается до коммиссіи для соглашеній и договоровъ съ козаками, то къ этой излюбленной обѣими сторонами мѣрѣ охотно прибѣгали; она никого и ни къ чему не обязывала, а между тѣмъ время протягивала, пока стороны собирались съ силами для рѣшенія спора оружіемъ. Мы упомянули уже о Житомірскомъ договорѣ 1614 г. и указали его ничтожность и безполезность: 28 октября 1617 г. польскіе коммиссары съѣхались съ козацкими на р. Роси, на урочищѣ Старой Ольшанкѣ [3]) и заключили договоръ съ козаками, но такой же, какъ и

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. II, т. I, стр. 116—130.

[2]) Соловьевъ: Ист. Рос., т. X., стр. 86 и 87 (Изд. 2-е Москва, 1869 г.).

[3]) Арх. Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 206—209.

первый договоръ 1614 г., т. е. договоръ односторонній, съ опредѣленіемъ лишь того, что должны дѣлать и кому должны подчиняться козаки. Ходатайство обывателей 1618 г. о новой коммиссіи было принято сеймомъ благосклонно; къ козакамъ отправлены новые коммиссары; прибыли они въ Кіевское воеводство лишь въ началѣ октября 1619 г.[1]), а здѣсь, повидимому, готова была начаться открытая война козаковъ съ Польшей: гетманъ Сагайдачный съ козацкимъ войскомъ стоялъ уже подъ Бѣлой Церковью, выступивъ, вѣроятно, изъ Кіева: польское же войско расположилось лагеремъ противъ него на разстояніи около 30 верстъ ниже Паволочи на р. Раставицѣ: договоръ состоялся 8 октября и помѣченъ датой: „въ обозѣ на Раставицѣ ниже Паволочи".

Дѣло было не шуточное. Въ коммиссіи участвуютъ первые магнаты государства: Томашъ Замойскій, Янъ Даниловичъ, Станиславъ Жолкѣвскій, Станиславъ Конецпольскій, Александръ Калиновскій и друг. Изъ козацкихъ же магнатовъ, имена которыхъ не украшались громкими титулами и короткія родословія не возводились до Владиміра св. или Гедимина, болѣе извѣстны Петръ Одинецъ, ѣздившій въ слѣдующемъ году въ Москву съ предложеніемъ царю союза съ козачествомъ[1]) и Яцына, бывшій впослѣдствіи полковникомъ. Условія этого третьяго договора польскаго правительства съ козачествомъ были такъ же тяжелы для послѣдняго, какъ и договоры 1614 и 1617 гг.: козаки теряли право морскихъ походовъ на Турцію, количество ихъ ограничивалось, и автономія судебная и административная уничтожалась. Такія условія видимо диктовались одной стороной: козачество не могло подчиниться имъ; и дѣйствительно, тотчасъ же, вопреки этому договору, Сагайдачный отправилъ по городамъ и мѣстечкамъ реестры того, что каждый изъ нихъ долженъ дать для снабженія козаковъ боевыми припасами; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ созывалъ для обсужденія религі-

[1]) Сборникъ лѣтописей, стр. 244—249.

озныхъ и политическихъ вопросовъ все православное духовенство на соборъ въ Кіевѣ, а населеніе на черную раду у Сухой Дубровы; о такомъ воинственномъ настроеніи козаковъ сообщаетъ въ іюлѣ 1621 г. королю кн. Юрій Збаражскій, отправлявшійся посломъ въ Константинополь и проѣзжавшій тогда чрезъ Кіевское воеводство[1]).

Но эти приготовленія козачества были прерваны горячимъ призывомъ его со стороны королевича Владислава, который выступалъ на войну противъ турокъ подъ Хотинъ. Между королемъ и гетманомъ начались переговоры: послѣдній лично отъ имени козачества подалъ просьбу королю передъ войной, требуя льготъ православному населенію и казацкому войску; король далъ обѣщаніе и въ августѣ 40000 козаковъ были уже у Днѣстра, куда вскорѣ прибылъ изъ Варшавы и ихъ гетманъ[2]). Исходъ этой войны извѣстенъ; благодаря Сагайдачному, побѣда была получена: но она стоила жизни славному гетману; черезъ полгода, именно 10 апрѣля 1622 г., „благочестивый мужъ“ говоритъ Михайловскій помянникъ, „на ложи своемъ простеръ ноги свои, приложися ко отцемъ съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, в Кіеве“. Благодарность ему короля и королевича была искренняя и горяча; они многое готовы были сдѣлать въ пользу козачества: но ихъ желанія встрѣчали непреоборимое препятствіе въ средѣ магнатовъ, какъ показываютъ предсмертныя письма гетмана къ королю.

Такъ окончилась политическая роль Сагайдачнаго, создавшаго силу и значеніе козачества.

§ 7. Для полноты характеристики Сагайдачнаго необходимо указать еще на его административную дѣятельность, выразившуюся въ возвышеніи гетманской власти у козаковъ, въ увеличеніи козачества въ количественномъ отношеніи и въ организаціи и расширеніи власти судебныхъ атамановъ.

---

[1]) Собраніе лѣтописей, стр. 250—252.

[2]) Ист. рус. церкви митр. Макарія, т. XI, стр. 281.

Въ своей работѣ: „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“,[1]) мы указали уже, что управленіе Сагайдачнаго въ козачествѣ относится къ тому времени, когда, вслѣдствіе тогдашнихъ условій жизни, гетманская власть быстро достигаетъ наибольшаго развитія; кромѣ тѣхъ условій, каковыми были смуты въ самой Польшѣ по случаю борьбы партій при избраніи королей и войны съ сосѣдями, требовавшія содѣйствія козаковъ, большое значеніе имѣла и самая личность гетмана Сагайдачнаго. Онъ своими способностями и успѣхами въ воинномъ дѣлѣ, своей огромной энергіей далъ почувствовать и силу козачества и его необходимость; онъ заставилъ этимъ польское правительство итти на уступки козачеству и вести съ нимъ переговоры чрезъ коммиссаровъ: дашнаго имъ гетманской власти значенія не могли ослабить и дальнѣйшія неблагопріятныя обстоятельства по смерти Сагайдачнаго; оно не было ослаблено даже отмѣной этой власти въ 1638 году и съ полной силой проявилось въ Хмельницкомъ, который и довелъ ее до высшей степени, возможной при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ сосѣднихъ правительствъ. Когда Сагайдачный увидѣлъ, что онъ не можетъ разсчитывать на поддержку Московскаго государя: когда ясно стало для него, что союза съ турками и татарами не допуститъ козацкая черни,—онъ сталъ держаться польскаго правительства и оказывать ему помощь, надѣясь войти въ соглашеніе съ нимъ: это поднимало значеніе гетманской власти во мнѣніи правящихъ классовъ: не удивительно, если польскіе мемуаристы его времени, а позже южно-русскіе лѣтописцы и даже современные историки, считаютъ Сагайдачнаго сторонникомъ Польши: но, какимъ онъ былъ сторонникомъ ея, показываютъ ясно его предсмертныя письма къ королю Сигизмунду и королевичу Владиславу: онъ выражетъ въ нихъ заботу не о себѣ, а о близкомъ его скорбящей и озлобленной душѣ дѣлѣ козачества; онъ проситъ, чтобы „козакамъ творимое бѣдствіе и озлобленіе“

[1]) Чтенія, кн. VIII, отд. II, стр. 57—115.

отъ королевскихъ „старостокъ, нецнотливыхъ сыновъ и пяницъ“, было запрещено и „ускромлено“ королевскимъ „мандатомъ“ и въ заключеніе смѣло и грозно предупреждаетъ, „жебы що новое“ отъ козаковъ „не уродилось и огня гнѣвнаго не запалило“, „якъ уже и понемруютъ“. Сагайдачный глубоко ненавидитъ польскую шляхту и ждетъ защиты только отъ короля. Тѣ же чувства впослѣдствіи выражалъ и Хмельницкій.

Объ увеличеніи козачества въ числѣ въ 1606—22 гг. мы сказали уже выше.

Что касается до судебной должности атамановъ, то поднятіе ея значенія вызывалось одинмъ уже численнымъ ростомъ казачества при Сагайдачномъ и развитіемъ землевладѣнія, вмѣстѣ съ возникновеніемъ большого количества изъ-за земли тяжебъ между козаками, о чемъ мы также подробнѣе сказали въ указанной выше работѣ о козачествѣ. Усиленіе этой власти, какъ извѣстно, испугало польское правительство, и сеймовая конституція 1613 года уничтожаетъ эту должность; но напрасно: власть продолжала расти и стала одной изъ важнѣйшихъ въ козачествѣ: необходимость ея вызывалась жизненной практикой.

Указанія на внутреннія распоряженія въ краѣ Сагайдачнаго мы находимъ въ письмахъ Жолкѣвскаго и Збаражскаго: первый говоритъ о какихъ-то универсалахъ Сагайдачнаго, обѣщавшаго въ 1620 г. собрать огромное войско противъ Турціи, но такъ и не исполнившаго этого обѣщанія, руководясь, быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ основательными и важными для интересовъ козачества причинами, а второй сообщаетъ о другихъ универсалахъ гетмана, имѣвшаго въ виду созвать духовенство на соборъ и народъ на раду и снабдить свое войско необходимыми военными припасами. Мѣстная власть въ лицѣ Кіевскихъ воеводъ не протестуетъ противъ распоряженій гетмана, признавая ихъ, конечно, законными.

Напомнимъ въ заключеніе и о тѣхъ славныхъ дѣяніяхъ Сагайдачнаго, которыя давно уже прославлены и современниками

и потомками: о возстановленіи православной іерархіи въ Южной Руси: объ участіи его въ реформированіи кіевскаго Богоявленскаго братства, въ которое онъ вписался со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ: о его ктиторствѣ въ братствѣ: о построеніи козацкой церкви св. Василія въ усадьбѣ нынѣшняго Флоровскаго монастыря: о пожертвованіяхъ на Кіевскую и Львовскую братскія школы, свидѣтельствующихъ о любви гетмана къ просвѣщенію и пониманіи его значенія, и о пожертвованіяхъ на Богоявленскую церковь Кіевскаго братства, у которой онъ потомъ и сложилъ свои кости.

Но умирающій гетманъ чувствовалъ, кажется, на своей совѣсти одинъ тяжелый грѣхъ—казнь Бородавки. Южно-русскіе лѣтописи передаютъ этотъ фактъ не вполнѣ точно: они говорятъ, что Бородавка, кошевой атаманъ запорожцевъ, пьянствовалъ и разорялъ панскія имѣнія, не желая идти подъ Хотинъ помогать польскому войску, и Сагайдачный приказалъ будто бы за это казнить Бородавку. Совершенно иначе представляетъ дѣло современникъ гетмана и участникъ въ Хотинской войнѣ Яковъ Собѣскій: по его словамъ, гетманъ, раненый въ руку, долженъ былъ скрываться въ лѣсу нѣкоторое время, чтобы не попасть въ руки турокъ; его продолжительное отсутствіе козаки объяснили гибелью и выбрали гетманомъ Якова Неродича (-по Помянniку, и Неродовича, по письмамъ Жолкѣвскаго) Бородавку: но Сагайдачный успѣлъ вернуться въ обозъ и для возвращенія себѣ власти, напалъ какія-то вины за Бородавкой и казнилъ его. Совѣсть свою умирая Сагайдачный облегчаетъ тѣмъ, что поручаетъ записать Бородавку въ свой помянникъ подъ именемъ „гетмана Якова“,[1]) откуда мы и узнаемъ имя этого опаснаго

[1]) М. Максимовичъ (Полн. собр. соч., I, стр. 370), приводя запись изъ стараго Помянника Кіево-Михайловскаго монастыря (л. 98), перечисляетъ слѣдующія имена, относящіяся къ роду Сагайдачнаго: Петра. Конона. Елисея, Якова, Германа“. Мы провѣрили эту запись въ Помянникѣ и нашли, что въ передачѣ Максимовича запись искажена и не полна: послѣднія имена читаются такъ: „Якова гетмана“; тѣмъ же почеркомъ и чернилами на поляхъ противъ имени Якова гет-

соперника Сагайдачнаго; оставленіе въ Поминикѣ за Бородавкой титула гетмана показываетъ, что Сагайдачный считалъ его избраніе законнымъ и достойнымъ.

Мы разсмотрѣли дѣятельность Сагайдачнаго, его отношенія къ Турціи, Москвѣ и Польшѣ, его административныя распоряженія и заботы о защитѣ православія и распространеніи образованія, и, сравнивая ее съ дѣятельностью ближайшихъ по времени вождей Малорусскаго народа, приходимъ къ заключенію, что эту программу дѣятельности продолжали даровитые ученики Сагайдачнаго, вышедшіе изъ его военной и дипломатической школы и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовавшіе потомъ: митрополитъ Петръ Могила и гетманъ Богданъ Хмельницкій. Особенно сходна программа дѣятельности Хмельницкаго: на ней ясно отражается вліяніе Сагайдачнаго; она измѣняется лишь подъ измѣнившимися условіями политической и общественной жизни. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что только Сагайдачный положилъ прочныя основанія для дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія козачества, существованія, котораго не могли прервать даже понесеныя козаками неудачи по смерти гетмана.

§ 8. Воспоминаніе о Сагайдачномъ сохранилось и въ народной памяти, которая въ пѣснѣ, изображая походъ козаковъ и характеризуя гетмана, говоритъ, что онъ „проминявъ жинку на тютюнъ та люльку“, и, наконецъ называетъ его „несобачнымъ“, т. е., несмотрительнымъ, неосторожнымъ. Покойный М. Максимовичъ, обиженный, кажется, за гетмана такимъ эпитетомъ, относитъ пѣсню къ гетману Петру Дорошенку (1665—1676) и къ другому Сагайдачному, Григорію, личности ничѣмъ не выдающейся, бывшему кошевымъ атаманомъ въ Запорожьѣ въ

мана приписано: „Неродичъ Бородавка“. Здѣсь слово „Неродичъ“ не должно быть принимаемо въ значеніи „не родственникъ“, потому что въ „Listach“ Жолкѣвскаго (стр. 144) соперникъ Сагайдачнаго именуется „Яцкомъ Неродовичемъ Бородавкой“. Несомнѣнно, что если бы М. Максимовичъ самъ видѣлъ Поминикъ, а не воспользовался чьей-то услугой, то такой ошибки онъ никогда бы не сдѣлалъ.

1687 —88 гг., который, по его предположенію, могъ быть куренным атаманомъ въ гетманство Дорошенка. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія Максимовичъ выставляетъ два соображенія: 1, „что не такъ бы отозвалась она (народная пѣснь) о знаменитомъ гетманѣ", т. е. не назвала бы его „необачнымъ" и не указала бы на его презрительное отношеніе къ „жинкѣ", и 2, что въ походѣ впереди войска шелъ всегда гетманъ, въ серединѣ—хорунжіе, а сзади—куренные атаманы. Пѣсня же ставитъ во главѣ войска Дорошенка: слѣдовательно, Дорошенка Петра, гетмана. Это мнѣніе М. Максимовича принято было и издателями „Историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа" (Кіевъ, 1874 г.) проф. В. Б. Антоновичемъ и М. П. Драгомановымъ и въ свой сборникъ они не внесли спорной пѣсни.

Но мы думаемъ, что пѣсня должна быть отнесена именно къ Петру Конашевичу Сагайдачному, которымъ она исключительно и занята, а не Дорошенкомъ, какъ бы слѣдовало: соображенія Максимовича не согласованы съ дѣйствительными фактами: первое его соображеніе, что народъ иначе бо отозвался въ пѣснѣ о гетманѣ, едва ли основательно: народъ, слагавшій пѣсню о своемъ гетманѣ, въ тоже время четыре раза лишалъ его власти, былъ недоволенъ его политикой сближенія съ Польшей, не понимая причины и формы этого сближенія: поэтому неодобрительный эпитетъ въ пѣснѣ не можетъ быть удивительнымъ:[1]) но его нельзя даже считать неодобрительнымъ или обиднымъ, потому что онъ опредѣляетъ извѣстный несчастный случай съ гетманомъ, неосторожно наскочившимъ на вражескій лагерь, какъ увидимъ ниже. Второе соображеніе о мѣстѣ гетмана, хорунжихъ и куренныхъ атамановъ въ рядахъ войска во время похода козаковъ, правильное вообще, не приложимо къ Петру Са-

[1]) Вспомнимъ, напр., что рядомъ съ народными пѣснями, прославляющими подвиги Богдана Хмельницкаго, записаны и такія, въ которыхъ народъ же и проклинаетъ его (Нотович. пѣсни Малорус. народа, т. II, стр. 116; И. Костомаровъ: Богд. Хмельницкій, т. III, стр. 406 и 407), а современные историки и до сихъ поръ различно оцѣниваютъ его заслуги.

гайдачному, по слѣдующей причинѣ. Пѣсня изображаетъ не вообще походъ козаковъ, а ихъ Хотинскій походъ 1621 года, въ частности. Походъ этотъ описанъ участвовавшимъ въ немъ Краковскимъ каштеляномъ Яковомъ Собѣскимъ, близко знавшимъ Сагайдачнаго и принимавшимъ мѣры, по порученію польскаго правительства, къ успокоенію козачества, которое волновалось подъ Хотиномъ и грозило оставить лагерь. Изображая событія подъ Хотиномъ, Собѣскій говоритъ, что козаки пришли на театръ военныхъ дѣйствій сами безъ Сагайдачнаго, и Дорошенко (Михаилъ, избранный въ гетманы въ 1625 году) начальствовавшій надъ козаками, тотчасъ же извѣстилъ лично польскихъ вождей о своемъ прибытіи съ войскомъ: гетманъ же Сагайдачный въ это время находился въ Варшавѣ и оттуда уже прибылъ въ польскій лагерь; узнавъ о приходѣ своихъ козаковъ, онъ отправился къ нимъ, но потерялъ слѣдъ и наскочилъ на турецкій лагерь; турки погнались за нимъ, стрѣляли въ него и ранили въ руку; гетману угрожала опасность попасть живымъ въ руки враговъ, горячо жаждавшихъ отомстить ему за разоренія турецкихъ городовъ; Сагайдачный бросилъ коня и скрылся въ лѣсу: изнемогавшій отъ раны, опасавшійся каждую минуту быть отысканнымъ, онъ нѣсколько дней просидѣлъ въ лѣсу, пока, наконецъ, ему удалось выбраться оттуда и возвратиться въ свой лагерь. Козаки считали Сагайдачнаго погибшимъ и выбрали на его мѣсто Бородавку. Возвратившись, Сагайдачный былъ встрѣченъ козаками съ радостью: его снова признали гетманомъ. Бородавку же Сагайдачный, какъ уже было сказано нами выше, обвинилъ въ разныхъ преступленіяхъ и приказалъ казнить. Такимъ образомъ, пѣсня вѣрно передастъ главнѣйшія обстоятельства похода: войско въ самомъ дѣлѣ тогда велъ не Сагайдачный, а Михаилъ Дорошенко: Сагайдачный же, отыскивая по слѣдамъ козацкій лагерь, дѣйствительно, находился позади войска; [1]) современники гетмана, удив-

[1]) Правда, въ пѣснѣ поется, что и Сагайдачный присутствуетъ въ войскѣ и участвуетъ въ походѣ; но отъ пѣсни нельзя требовать точности: переходя изъ устъ

ленные случаемъ ошибочнаго его появленія въ турецкомъ лагерѣ, легко могли называть за это своего вождя „необачнымъ“,[1]) неосторожнымъ, и обиднаго для памяти „зацного рыцера“, нѣтъ ничего въ этомъ эпитетѣ. Эпитетъ этотъ могъ имѣть и другое основаніе: современники говорятъ о большой страсти гетмана къ любовнымъ похожденіямъ, страсти, ускорившей будто бы его смерть отъ раны. Пѣсня правильно также указываетъ на предпочтеніе гетманомъ жизни боевой передъ жизнью семейной [2]), если слову „проминявъ“ дать значеніе „предпочелъ“; мы, дѣйствительно, видѣли, что Сагайдачный все свое гетманство провелъ въ войнахъ и походахъ, а въ семьѣ бывалъ лишь рѣдкимъ гостемъ. Послѣдній куплетъ пѣсни, изображающій гетмана въ лѣсу ожидающимъ, быть можетъ, помощи и въ отчаяніи, чтобы „не журыться“, закуривающимъ свою „люльку“, въ свою очередь, вѣрно отмѣчаетъ фактъ блужданія гетмана по лѣсу, гдѣ онъ легко могъ взывать: „Ой, хто въ лиси, отзовыся“! и

въ уста отъ одного поколѣнія къ другому пѣсни не рѣдко искажалась, и мы не мало могли бы дать примѣровъ этого; въ данномъ же случаѣ, на бѣду, и въ началѣ и въ концѣ столѣтія въ козачествѣ встрѣчаются одноименные дѣятели Дорошенки и Сагайдачные; народная пѣснь легко могли смѣшать однихъ съ другими. „А што ся на писмѣ не бываетъ, то съ памяти людское скоро сплываетъ“, часто говорится въ юридическихъ актахъ прошлыхъ столѣтій какъ бы въ оправданіе составленія ихъ; эта древняя поговорка вполнѣ дѣлаетъ понятнымъ искаженіе въ пѣсняхъ дѣйствительныхъ фактовъ.

[1]) Намъ приходилось слышать варіантъ: „алый, невдячный“. *Н. Д.*

[2]) Сагайдачный былъ женатъ на Анастасіи, урожденной Повченской; ими и родъ ея означены въ книгѣ „Вѣршѣ“ на поляхъ 15 листа. Отношенія между супругами остаются тайной, и въ нихъ не могутъ не показаться странными два обстоятельства: 1) Самуилъ Величко, пользовавшійся старыми козацкими лѣтописями, говоритъ, что гетманъ передъ смертью „распорядилъ имѣніе свое на церкви, на шпиталѣ, на школи и монастырѣ, кромѣ жены своей“ (т. I, прилож. стр. 50), и 2, послѣдняя не долго вдовствовала по смерти Сагайдачнаго. Въ 1624 г. она была уже замужемъ за шляхтичемъ Иваномъ Піончиномъ. Объ этомъ въ „Кіев. Старинѣ“ за іюль 1892 г. (стр. 117) сообщаетъ проф. В. Б. Антоновичъ на основаніи даннаго ему указанія А. П. Яблоновскимъ. Въ книгѣ коронной метрики, хранящейся въ Варшавѣ (№ 3, л. 141), подъ 31 іюля 1624 г. записанъ документъ, изъ котораго видно, что жена Сагайдачнаго совершила наѣздъ на имѣніе п. Ѳедора Даровскаго с. Вырву, произвела тамъ насилія и причинила убытку на 7087 злотыхъ. Кіевскій судъ призналъ ее виновной, а вслѣдствіе уклоненія ея отъ суда приговорилъ къ баниціи.

искать утѣшенія въ „люлькѣ".[1]) Только при этомъ объясненіи, намъ кажется понятнымъ послѣдній куплетъ пѣсни.

Мы думаемъ, что и нѣкоторыя другія пѣсни козацкаго вѣка должны быть отнесены къ эпохѣ Сагайдачнаго, какъ это совершенно вѣрно и выразилъ, утилизуя ихъ, извѣстный писатель Д. Л. Мордовцевъ въ своемъ художественномъ романѣ „Сагайдачный".

Но какъ отношеніе народа въ пѣснѣ къ своему герою имѣетъ неопредѣленный характеръ, такъ, къ сожалѣнію, и нѣкоторые южно-русскіе лѣтописцы XVIII вѣка, а съ ними немногіе историки нашихъ дней, подобно козацкой черни начала XVII в., не поняли политическихъ цѣлей и путей Сагайдачнаго и ошибочно считали его сторонникомъ поляковъ. За то его поняли безпристрастные современники и по достоинству оцѣнили, какъ „щаго гетмана, славнаго въ людехъ во вся вѣки". Яковъ Собѣскій, І. Ерличъ и друг. даютъ вѣрную и безпристрастную его характеристику, а „спудеи" братской школы столь же вѣрно представляютъ въ надгробныхъ виршахъ, сочиненныхъ Кассіаномъ Саковичемъ, главные факты и значеніе его дѣятельности. Одинъ изъ спудеевъ, Лукашъ Беринда, говоритъ:

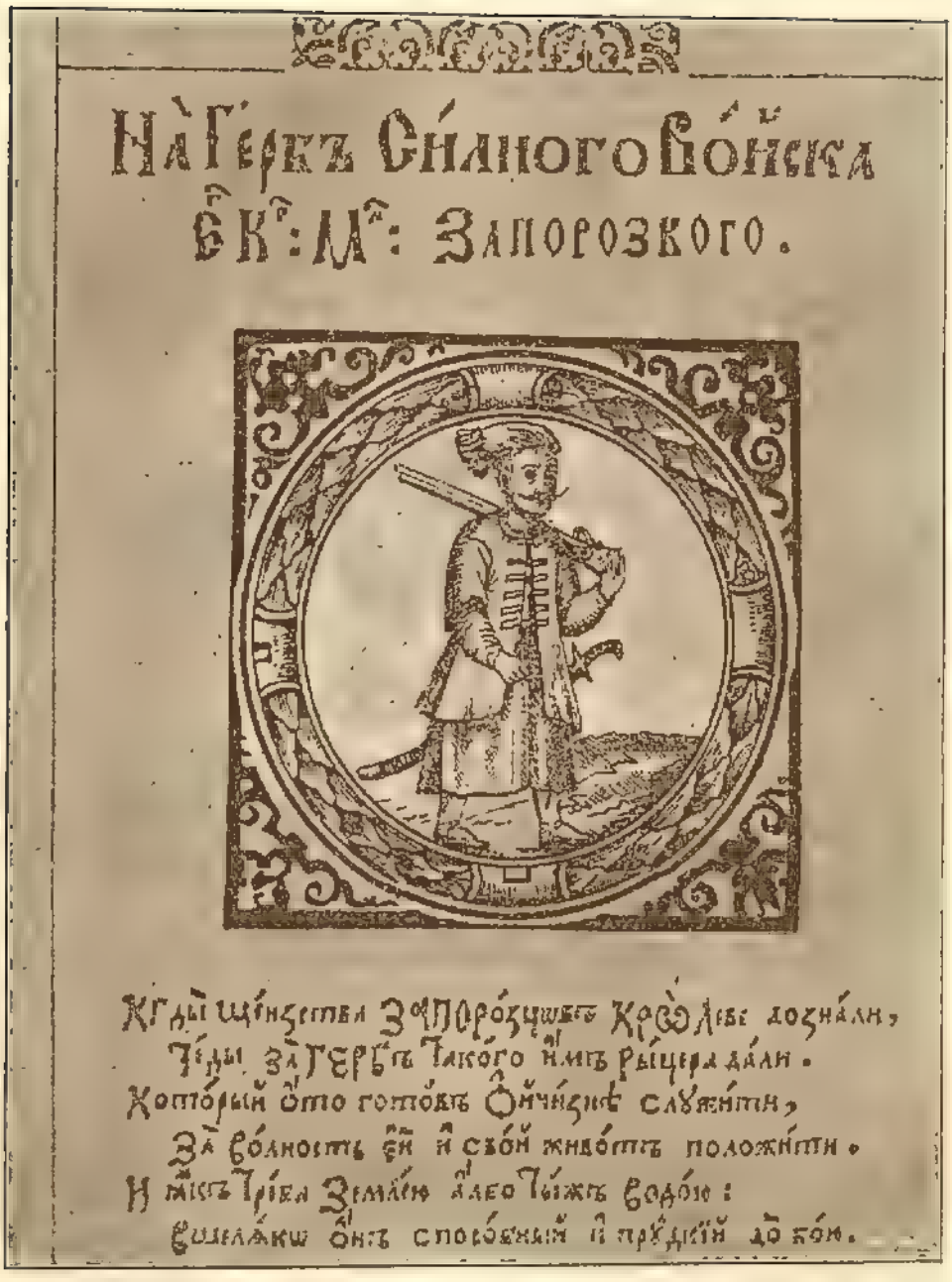
«Несмертельной славы достойный гетмане!
«Твоя слава въ молчаню нигды не зостане.
Поки Днѣпръ съ Днѣстромъ многорыбные плынути
«Будутъ: поты дѣлности твои тежъ слышути».

А самъ Саковичъ вполнѣ удачно примѣняетъ къ Сагайдачному библейское выраженіе (2-я кн. Царствъ, гл. III, ст. 38): „не вѣсте ли, яко властелинъ великъ падѐ въ сей день во Ісраили"?

И. Каманинъ

[1]) Пѣсня о Сагайдачномъ напечатана покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ „Запорожской старинѣ", часть 1-я, Харьковъ, 1833 г. стр. 58—60; перепечатана въ „Старосвѣтскомъ бандуристѣ" Н. Закревскаго (Москва. 1861 г., стр. 65).

ПРИЛОЖЕНІЯ.



Гербъ Запорожскаго войска
въ изображеніи 1622 года.

Матеріалы къ „Очерку гетманства Петра Сагайдачнаго".

I.

Универсалъ короля Сигизмунда III, призывающій обывателей Кіевскаго воеводства собраться въ ополченіе противъ наступающихъ на Южную Русь турокъ и татаръ,—собраться, въ виду невозможности помочь обывателямъ коронными войсками, занятыми войной со шведами,—4 іюля 1605 года.

Року 1605, месеца июля 4 дня.

На вряде его королевское милости, замку Житомирского, передо мною, Матеушом Клембовским, наместником подстароства Житомирского, постановившысь очевисто, урожоный панъ Янъ Костмовский, слуга его велможное княжецкое милости пана воеводы Волынского, старости Житомирского, покладалъ универсалъ его кролевское милости, под печатю коронною и с подписом руки его кролевское млти, также и с подписомъ руки писарское, до всих вобец дикгнитаровъ и всего рицерства-обывателев воеводства Киевского писаный о небезпечность од татар, непрыятеля корунного, о чемъ шырей тот универсалъ в собе обмовляетъ, и просил, абы публикованъ и до книг врядовых замку господаръского Житомпрского уписан былъ, которогом слово в слово до книг вписати казал и через возного енералного шляхетного Васпля Сосницкого публиковати казал; который такъ се в собе маетъ:

Жикгимонт Третий, Божою милостию корол полский, великий князь литовский, руский, прусский, мазовецкий, жомойтский, инфлянский, а шведский, готский, вандалский дедичный корол,—всим вобец и кождому зособна: дыкгнытаром, урядником земским, старостам нашым и их наместником, такъже и иншым стану рицерского людем, обывателемъ воеводства Киевского, упрыйме и вирне нам милым, ласка наша королевская. . .

Упрыйме и вирне нам милые! Дают нам знати з Украины, же люде цара Перекопского, в тых часехъ двакрот наворот учинивши, шкоды немалые в панствах наших починили; ознаймуют и то, же сам цар з войском великим, в поле вытягнувши, ку панством нашимъ се приближаетъ; на которые так наглые и несподеваные Речи-посполитое небезпеченства зычилибысмо были, абы инакъшая готовост и оборона в час обмыслена была; лечъ за таковым розведенемъ сойму прошлого яко одъ иншых пограничных непрыятел, так и од тое там стороны, Речъ-посполитая безъ обороны зостала; к тому теж и с кварти, которую тепер под тот час почынают, болшая ест на оборону земли Инфлянское назначона, а с тое трохи, которая зостает, не могль бы быть одно барзо малый и нерыхлый ратунок; прыходит нам на тот час утекатися до самое хути и готовости тых, которые отчызну свою и волности ее правдиве милуют. Прото уживаемо и напоминаемо упреймост и верност вашу, абы есте в так прудкомъ а нагломъ непрыятелском натартю, с хути своее и для милости отчызны, для своего безпеченства, для затриманя славы и волности зацного народу своего и всих потех своих, цалости Речи-посполитое, свобод и волностей своих, як на запал нич̀ого не мешкаючи, там се скупили з урядниками воеводства своего, албо где кгвалтъ и потреба небезпеченства укажетъ. Учыните, упреймост и верность ваша, реч повинности своее рицерское пристойную и отчызне, матце своей, потребную и нам велми вдячную!

А жебы тые листы нашы до всихъ ведомости, яко найпрудшей, прышли, росказуем старостом нашым и их наместни-

комъ, абы для ласки нашое въ юрисдикциях ихъ публикованые и до вѣдомости всих без вшелякое зволоки прыведеные были.

Писанъ у Кракове, дня четвертогонадцат июня, року Божого тисяча шестсот пятого, а панования королевствъ нашыхъ, полского—осмогонадцать, а шведского—второгонадцать року.

В того универсала печат коронная, а подпис рукъ тыми словы:

Sigismundus rex.—Zachariasz Jakowicki, secretarz, mp.—Корыковалъ Алек. Ледоховскій.

Который то универсалъ его королевское милости до книг врядовыхъ замку господаръского Житомирского прынят и вписан былъ.

Кн. Кіев. центр. арх. № 10, л. 131 об., № 197.

II.

Универсалъ короля Сигизмунда III, призывающій обывателей украинныхъ воеводствъ собраться и соединиться съ тыми отрядами жолнеровъ, которые собираютъ гетманы, чтобы дать отпоръ готовящимся къ нападенію на Южную Русь туркамъ, и предписывающій старостамъ не допускать козаковъ до набѣговъ на турецкія владѣнія,—22 ноября 1605 года.

Року 1605, месеца ноября 22 дня.

На врядъ его кор. мл. замку Житомирского, передъ мене, Федора Щуровского, подстаростего житомирского, принесен ест лист-универсал его кор. млти, пана нашого милостивого, через енерала возного воеводства Киевского шляхетного Марка Бараповскаго до вшех вобец шляхты воеводства Киевского писаный тыми словы:

Жикгимонт Третий, Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, жомойтский, мазовецкий, инфлянтский, а шведский, готский, вандалский дедичный корол,—всимъ вобецъ и каждому зособна, кому то ведати належит, а меновите, дикгнитаром, урядником, старо-

стом и всимъ инпим обывателемъ воеводствъ украинных, ознаймуемы, иж нас то доходит, жебы тот поганин, будучи там заюшоный, же прошлое вторгнене в панства коронные по мысли ему пало, маетс о томъ премысливати, якобы знову на тые там крае натерлъ и в них препит який, з поправою славы своеи, а за славою, стережи Боже, народу нашого, учинил; а иж зараз, веденемъ прошлого сейму, на самой праве той охоте и верности вашей вся оборона зостава; прето, як перед тым не занехали есмо упрейме и верность вашу перестерегат и до острожности подат, тоежъ и тепер чинимо, жадаючи и упоминаючи, абы упрейме верность ваша жалем брати своих, у везене забраных, и так значною шкодою своею побужени, для остереженя власного безпеченства и для поставы славы народу своего, которая тепер от панства значный шванкъ отнесла, горячими едностями серцем до оброны и ратунку сполней отчизны займовалисе и до войска нашого, которое гетман нашъ полный два решты квартяней остатного, иж праве ратунку, за порученем нашим,, збирает, яко напрудшей купили. А жебы тые листы наши до всих ведомости тым снадней пройти могли, старостом нашым, абы е в гродех своих публиковали и до ведомости всихъ приводили, росказуемы. А иж тепер дали нам знат, же бы козацы им примере и сполную приязнь нашу зъ цесаремъ турецким в земли его вриватсе и шкоды немалые чинит мели; бачачы мы тые речи быт барзо шкодливые и покой посполитый взрушоный, напоминамы то, якие помененые старосты наши и хочемо то мет конечно по них с такою (?) поскромили и оним того на потомъ не допущали, не чинячи иначей для ласки нашей и спокойныйноцы своей.

Дан в Кракове, дня двадцат пятого октобра, року тисяча шестсот пятого, панованя королевствъ наших, полского— року осмого, а шведского—дванадцатого.

Sigismundus. rex.

Который то лист-универсал его кор. милости слово в слово до книг врядовых Житомирскихъ ест принят и уписан.

Ibid., л. 229, № 123.

III.

Универсалъ короля Сигизмунда III къ обывателямъ Кіевскаго воеводства и украинныхъ городовъ, призывающій ихъ самихъ принять мѣры противъ готовящагося нападенія турокъ и татаръ, въ виду невозможности для коронныхъ войскъ, по случаю смуты въ сосѣднихъ государствахъ, оказать помощь обывателямъ.—12 января 1606 года.

Року 1606, месеца генвара 12 дня.

До вряду его королевское млти замку Житомирского, до мене, Федора Щуровского, подстаростего Житомирского, прислан ест лист-универсал его королевское млти, под печатю и с подписом руки его королевское млти, до всих вобец шляхты рыцерства обывателев воеводства Кневского на оборону панствъ его кор. мл. напротивко непріятелеви коронному, поганцом-татаром, также и для ведомости зложеня сейму, о тей же обороне зложоного, писаный, с чом ширей тот лист его кор. мл. в собе обмовляетъ; которогом принявши и читаного перед собою по достатку выслухавши, до книг слово в слово уписати казал; который так се в собе мает:

Жикгимонт Третій, Божю милостю корол полскій, великій княз литовскій, рускій, пруский, мазовецкій, жомойтскій, инфлянтскій, а шведскій, кготскій, вандалскій дедичный корол,—всимъ вобец и кождому зособна, кому то вѣдати належит, а меновите, старостом и державцомъ добръ наших, и всему вобец рыцерству и обывателем воеводства Кневского и местец украинных, упрейме и верне нам милым, ласка наша королевская.

Упрейме и верне нам милые! Доходит нас певная ведомость, же тот поганец-непріятел коронный, засмаковавши собе лупы и корысти первшие, которые зъ ганбою и шкодою великою народу полского свежо з панствъ наших от . . ., з великою моцю до панствъ нашихъ коронных идет; ино достатки Речи-посполитое снести могли, постановленый ест жолнер на оборону тамтыхъ местцъ; который же черезъ себе сам такъ потужному непріятелеви отпору дати не может

для милости отчизны, детокъ и малжонокъ и охроны достатку упреймости и верности ваших, так нагле наступовати замышляет, яко до найболшого кгвалту, о которых всих целост заходит, поспешне ся до гетмана и жолнера нашого, окрутного погапца того в домах и маетностях своих не чекаючи, купилисе и радней ему отпоръ, водле наболшое потужности своее, дали, а нижли в домех и маетностях своих везати и сромотне забирати ему се допущали; выправити бы есмо и мы отсюл рады што людей, але для близких суседских мешапии и небезпеченствъ не можемо се и тых самых местцъ оголочати; соймъ однакъ, для потужнейшого забеженя тым небезпеченством, тым прудшей зложили есмо. Упреймость и верность ваша, для целости своее, певны есмо, тым часом то учинит, чого такое небезпеченство и такъ наглый кгвалтъ потребует и на них вытискает.

Писанъ у Кракове, дня двадцатого месеца декабра, року Божого нароженя тисеча шестсот пятого, панованя кролевствъ нашихъ, полского—осмогонадцать, а шведского—второгонадцат року.

В того листу печат и подпис руки его кор. милости тыми словы:

Sigismundus rex.

Который то листъ-универсал его кор. мл. слово в слово до книг врядовых замку Житомирского принят и вписанъ есть.

Ibid., л. 239 об., № 10.

IV.

Грамота короля Сигизмунда III, съ повелѣніемъ, въ силу сеймоваго постановленія, украинным старостамъ удерживать своевольных людей отъ ухода ихъ въ сосѣднія государства на службу и предупреждать нарушеніе мирных договоровъ Рѣчи-посполитой съ сосѣдями,—11 апрѣля 1609 года.

Року 1609, месеца апрпля 11 дня.

На вряде его кор. мл. замку Житомирского, передо мною, Григоремъ Кочуровскимъ, наместником подстароства Житомирского, поданъ пер облятамъ мандат-лист его кор. мл., под печатю и с подписомъ руки его кор. мл. власное, писаный в способ задержаня и погамованя от своволенства людей, тубылцов обойга народов, рачей короне, а ниж чужоземскимъ паном слабы зычачи, которогом принявъшы и читаного передъ собою выслухавшы, до книгъ слово в слово уписати казалъ,и так се в собе маетъ:

Жикгимонтъ Третий, Божю милостю корол полский, великий князь литовский, руский, пруский, мазовецкий, жомойтский, инфлянский, киевский, волынский, подольский, подлясский, а шведский, кготский, вандалскій дедичный королъ,— всимъ вобец и кождому зособна, кому то ведати належитъ, а меновите гетманомъ нашим и старостомъ украинным, яко и инымъ всѣмъ, нинешним писанемъ нашимъ ознаймуемо, иж се намножило веле людей, которые своволне, мимо заказъ права посполитого и зверхность повинную, важатсе в громадах немалых и в розных почтех, а часом так подъ хорогвями, яко и розсыпкою, слѣд тратечи, до панствъ чужеземских выходити и там на славу, власне рачей отчизне повинную, чужим народомъ зарабяти, з уближенем права посполитого, з нарушенемъ покою суседского, зъ розрываненъ стародавного с чужоземскими паны примерья тое короны и панствъ, до нее належачих; зачимъ, неразъ не тылко в трудности, алє и в небезпеченства Речь-посполитую приводят. Для того уридомъ, помененым старостом, тымъ листом нашым росказуемо и мѣти то хочемо, жебы купеня, збираня и выхожения такового обывателемъ короннымъ и людем, до панъствъ наших належачимъ, в границы и панства чужоземскіе, так под хорогвями, яко теж купами мнейшими, сурове и пилно забороняли; кгдыж, Пана Бога на помоч взявши, ест то в предсевзятю нашим небезпеченством, которые на Корону от неприятелей посторонних заходят, яко напотужней и напрудшей забегати, а, давши имъ отпор немешкалный, границы панствъ наших за Божою помочу з оказый,

которые се намъ подавати могут, розширяти и роспростреняти, до чого людей народов тых, которымъ свободне з воли Божое пануемо, помнити в той мере, яко не хочемо, так се нам не годит. Протож, от такового выежджаня до чужих панствъ хтобы з врожоное ку отчизне повинности встрыматися не хотел, через уряды такъ пограничных староств наших, яко и иншых, где бы ся такие люде збирати купити зачинали, ведлуг постановеня сейму прошлого, противко своволным людемъ учиненого, абы гамованы были, напоминаемо и росказуемо. До чого и гетманы наши, если бы якому квалтови который староста отпору дати не мог, причинити а заставити се маютъ. Иначей теды для ласки нашое и с повинности урядов своихъ не учините.

Дан в Кракове, дня третегонадцат месеца марца, року тисеча шестсот девятого, а панованя королевств наших, полского—двадцат второго, а шведского—пятогонадцат.

У того мандату его кор. мл. печат власная, а подпис руки его кор. мл. тыми словы:

Sigismundus rex.

Кн. Кіев. центр. арх. № 11, л. 98, № 18.

V.

Жалоба п. Богдана Стрибыля о вооруженномъ нападѣ, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, Кіевскаго подкоморія Самуила Горностая и его жены, при содѣйствіи козаковъ подъ предводительствомъ какихъ-то Магдалянскаго и Кнышна, на имѣніе жалобщика Ловковъ, осадѣ его, убійствѣ нѣсколькихъ крестьянъ, причиненіи ранъ и побоевъ другимъ, грабежѣ ихъ имуществъ и проч.,—5 марта 1611 года.

Року 1611, месяца марта 5 дня.

Писалъ и присылал на вряд господарский Житомерскій до мене, Григоря Кочуровскаго, подстаростего, слугу своего Кузму Василевича его мл. панъ Богдан Иванович Стрибыл. плачливе и жалосне solenitеrque протестуючис на его мл. пана Самуеля Горностая, подкоморего землѣ Кіевское, и на пани малжонку его мл. Теофилю з Загорая в те слова, иж

его мл. панъ Горностай, не погледаючи и намней на срокгость правную, зверхность его кор. мл., зневаживши право посполитое, которым ся усѣ станы контентовати звыкли, усадившис обое сполне з малжонкою своею, на маетность мою Ловковскую, которую од продковъ своих од немалого часу в спокойном держаню и уживаню мел и маю, границу певную старожитную по реку Гуйву, року тепер идучого, 1611, месеца февраля ... дня, без жадное причины, килкасотъ коней наславши, моцно, кгвалтом конных и пеших, которых они сами лепей знают и имена их ведают з оружем военным, з гаковницами и з дѣлы, врядника Лещинского и подданых бояр з Лещина, до того козаков, тут же под дом мой Ловков, почавши стрелят, с поранку аж до обеда кули през дом мой летели, окрикъ, гук, з шаблями, палашами добытыми, словами ущипливыми сромотечи, лаючи, сынов моих вызываючи, которые, маючи потребы и справы свои важные, на рочкох кгродских Киевских, дня 17 февраля сужоныхъ, а иншие в потребах своих на Волын отехали были, в старости лет моих мене самого и малжонку мою страхом таковым накормивши, туж под самым домом, на стрелене з луку, сосоня зо бчолами двесте, а иншие бортные в пеи порубали и на килкасотъ саний дерева розмаитого, соснины, на будоване згожое, до маетности ихъ мл. до места Лещина отвезли и отпровадили: подданых моих Ловковскихъ шести чоловека, с тым всѣм людом, на властном грунте моем Ловковском у речки Русятинки наехавши, побили, поранили и маетност их пограбили; [1] . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

одных на дорогах, гостинцах, а других во власности моей, в кгрунте моем Ловковском, тотже урядникъ з слугами, стрелцами, боярами, козаками, которые з Макгдалянъским а Кнышемъ ходили, тых таковых людей конных собе на то приспособивши, о килкасотъ чоловека, которые, нейдучи на

[1]) Здѣсь опущенъ перечень заграбленнаго имущества.

послугу его кор. мл., пана нашого милостивого, до Москвы, але идучи пред тым в речи до Москвы, маетности наши шляхецкие наежъджали, домы лупили, шарпали и незмирные шкоды чинили; тыхъ таковых, правом а конституцею сейму прошлого, людей своволных, цти отсужоных, преховывают и з оными, на маетност мою Ловковскую насылаючи, так великую а незносную шкоду починили и уставичне, на кождый ден таковые наезды, кгвалты, бое, грабежи по дорогахъ, гостинцах з подданными чинити росказуючи, а потом, не контентуючисе еще тым, зневажывши право, а чинечи замысломъ своим досыт, упорне, кгвалтовне знову назавтрее сегож року, месеца февралa двадцат осмого дня, панъ Горностай з малъжонкою своею тогожъ врядника Лещинского, которого сами оные лепей вѣдают, и с тым усѣмъ людом, также особы, имена добре их мл. знаемые, з гаковницами, з дѣлы, стрелбою огнистою способивши, на кгрунтъ мой Ловковский килкосот чоловека конных, пешихъ наслали; подехавши туж под дом мой Ловковский, тут увес люд з гаковниц, з дѣлъ стреляючи, подобывавши палашов, шабел, туж около дому моего переехавши через реку Тетерев, лаючи, сромотечи, а потым порубавшы о килкасот дерева, межи которым зо пчолами дерева бортного тридцат, а без пчол дерева бортного сто порубавши, а до того на килкосот саней дерева на будоване одного яснового наложивши, до мѣста Лещина отправадили; при том же наезде на кгрунте моем Ловковском на Довжку, на Русятинце и у Буймера (?) двадцат сто возов сена власное працы руки роботы подданых моих Ловковских побравши и ограбивши, до замку до Лещина отпровадили, а подданых моих Ловковских чотырех чловековъ, до Котелни на торгъ едучихъ, на гостинцу у Мокрца, тут же урядник и тот вес полкъ людей, перенемши, самых побили, кони, возы побрали и ограбили; [1])

. . . . . .

Который то грабеж, так и побране сѣна, на пожиток свой

[1]) Здѣсь опущенъ перечень ограбленнаго имущества.

пан Горностай обернул, и таковые квалтовные наезды на маетность мою и починения так великих шкод, грабежов и боев подданым моим Ловковским, также што и по дорогах за властным росказанем и насланем самого пана подкомо-рего и малжонки его мл. стало; и просил его мл. пан Богданъ Стрыбылъ, абы тая протестацыя его до книг урядовых принята и записана была,—што ест записано.—

Кн. Кіев. центр. арх. № 12. л. 79 об., № 4

VI.

Жалоба п. Адама Кенсицкаго о причиненіи ему тяжкихъ побоевъ въ м. Котелни Котеленскими козаками подъ начальствомъ какого-то Очесальскаго и по наущенію п. Адама Олизара-Волчкевича, 20 января 1617 года.

Року 1617, месяца генвара 20 дня.

Писал и присылал на вряд его королевское милости Житомирский, до мене, Яна Галчиновъского подстаростего Житомирского, шляхетный пан Ян Кенсицкий сына своего, пана Адама Кенсицкаго, обтежливе жалуючи и оповедаючи, яко сам на сес час быти не могучи через хоробу свою, которую поносит и терпит от особъ певъных, нижей меновaных, на урожоного его мл. пана Адама Олизара-Волчкевича и малжонку его ее мл. панюю Ядвигу з Тучапъ о то, иж дей часу теперъ недавно прошлого, року тисеча шестсотъ семнадцатого, месеца генвара чотырнадцатого дня, помененые ихъ мл. пан Олизар з малжонкою своею, не ведати за што, взявши перед себе злый умыслъ, а на мене васнь, одно-стайне межи собою се намовивъшы, моцно, квалтомъ, не огледаючис на сроктост права посполитого, наслали неякого Очесалского, з немалою купою козаков Котеленских, их мл. лепей имены и прозвиски ведомыхъ, на дом мешканя мое-го в Котелни лежачий; тамже оные насланцы, выконываючи волю и росказане их мл. пановъ своих, моцно, квалтомъ нашедши з бронями розмаитыми, впрод словами неучтивыми,

доброи славе моеи шкодячими, мене и малжонку мою зсромотили, а потомъ мене самого, выволокши з дому моего на улицу, кіями и обухами, кромъ жадного милосерда, безвинне побили. Ширшую о томъ протестацию з реляциею возного самъ, становъши, коли ми Пан Богъ до здоровъя першого привести будет рачил, учинивъши, до книгъ подати не занехам, а тепер прошу, абы сее мое оповедане было принято, также и возный до огледания того побитя моего приданый. А такъ я, вряд, тое его оповедане приявъши и оному возного, которого бы собе до тое справы способит могъ, придавши, записати казалъ есми,—што ест записано.

Кн. Кіев. центр. арх. № 13, л. 35 об, № 19.

VII.

Универсалъ короля Сигизмунда III, отъ 10 февраля 1617 года, къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, съ извѣщеніемъ, „ze woyska tureckie y tatarskie w wielkiey liczbie prawie iuz wchodzą w granice koronne“, и онъ, король, въ виду этого новелълъ, чтобы его сынъ, „krolewicz Władysław z tym, ktori na moskiewską expiedicyą gotuie się, aparatem tam się obrocił y osobą swoią zdrowie Rzpltey zastąpił“ и чтобы обыватели, „nie z powinnosci,... ale dla miłosci oyczyzny“ собирались подъ команду Кіевскаго воеводы и „to, co cnotu narodowi Polskiemu, krzwi starozytnych przodkow należy, czinili“, т. е. стали бы на защиту своего отечества, семьи и имущества.

Ibid., л. 96 об., № 77.

VIII.

Жалоба отъ имени всей роты Овручскаго старосты Павла Руцкаго о томъ, что арендаторъ м. Искоростина Янъ Отрошкевичъ и войтъ Кондратъ Кмита взбунтовали всѣхъ мѣщанъ этого мѣстечка и напали на роту: при этомъ многіе товарищи и жолнеры были убиты или получили тяжелыя раны, а обозъ роты ограбленъ мѣщанами, такъ же какъ и имущество пострадавшихъ товарищей и жолнеровъ,—22 февраля 1617 г.

Року 1617, месеца февраля 22 дня.

На врядѣ кгродскомъ, в замку его кор. мл. Житомирском, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростимъ Житомиръскимъ, ставши обличне, урожоный панъ Щасный Горницкий, товаришъ з роты урожоного его мл. пана Павла Руцкого, старосты Овруцкого, ротъмистра также урожоного пана Шимона Вронского, поручника, и всего товариства роты тое, под едною хоронкгвою будучых, именем, з великим жалем оповедал и солленитер протестовалсе напротивко пана Яна Отрошкевича, на сес час держачого маетности пана Анъдрея Мервинского местечка Искоростина, о то, иж дей кгды, маючи мы листы проповедные отъ его кор. мл., пана нашого милостивого, и отъ его мл. пана гетмана коронного, за указанемъ тогож его милости гетмана, такъ тежъ и его мл. пана старосты Овруцкого, ротъмистра его кор. мл. и нашого, на лежу, албо становиска, на местце певное, то естъ, до маетности Черноцкое, местечка Радомышля, тут у воеводстве Киевском лежачого, все товариство с корогвою и з возами скарбными шли, теды, услышавъшы отъ людей певныхъ, же там, в той маетности местечку Радомышлю, козаки полку Лисовского, теперь тыми часы недавными бывши, великое знищене и зубоженъе хлоповъ тамошних и маетности их учинивши, вешли, где се намъ самым, ани коней своихъ выживитъ бы было трудно, за данем отъ нас в тои мере черезъ писане пана поручника нашого его мл. пану ротмистрови ведомости знову, нимбы ведомостъ отъ его милости пана гетмана на указане намъ в ыншом краю лежи его мл. пана ротмистра дошла, пан ротмистр, нам до часу в державе и староcтве своем Овруцком местечку Жигкъмонтове лежу назначивши, вернути се казал; где кгдысмы в тегъненъю шли, теды частъю за злою дорогою, а частю и конюм фолкгуючи до того, же се ку ночи ближило в сем року, тисеча шестъ сотъ семнадцатом, месеца февраля семнадцатого дня, яко на гостинцу нашомъ до маетности и державы помененого пана Яна Отрошкевича местечка Искоростина, хотечи там почлег и отъпочнене мети, з межи себе с под коронкгви товаришов

килка, меновите, пана Павла Залескаго, пана Яна Зелинскаго и пана Павла Олшевскаго выправивши для росписаня господъ с прозбою, абы ночлегу не бороисно, послалисмы, а помененный панъ Отрошкевичъ, не ведати для которое причины. взявши противъ нас и противко тым отъ нас посланым товаришомъ нашим васнъ, з войтом своим тамошнимъ неяким Кондратом Кмитою, збивши мещан усих тамошних, ему имена и прозвиска лепей ведомых, до купы, кгды в самое местечко тые товариши наши, маючи при собе по килку пахоликов, уехали, впрод в звоны на кгвалтъ ударили, а потом моцно, кгвалтовне рушившисе до оных, яко якихъ неприятелювъ посторонъных, з оружем розмаитым ручнымъ и стрелбою огнистою, до бою належачою, оных безвинъне, запомнявши права посполитого и вин в нем описаных, ани на универсалы короля его мл., о препусканю волном таковых людей служалых и небороненю оныхъ ночлеговъ и становискъ во вшелякихъ маетъностях ясне описаные, нічого се не огледаючи, окрутне и немилостиве, кром жадного милосердя, кіймы побили, поранили и на полы за умарлыхъ за местечко, отобравши отъ них коні и вси ринштунки, повыволокали, а челядников их шести отъ них порвавъши, неведати, если, позабивавши на смертъ, тела где подавали, албо теж живых потопили зо всим оденъемъ их, о которых и до сего часу ведомости жадное мети не могутъ, а то есть меновите: у пана Залеского коня сивого ябъковитого з седлом гусарским, полшкарлатомъ критым, из накгловкем, коштовалъ золотых осмъдесятъ, а накгловекъ с подперстням оправные коштовали золотыхъ семъдесятъ; у пана Зелинского шаблю оправную коштовала золотых пятъдесят, а у пана Олшовского такъже шаблю сребромъ оправную коштовала его золотых полшостадесятъ; тыхже коні такъ што подъ ними, яко и под челядю ихъ, были почтовых розное шерсти с пулгаками, с палашами, з накгловками и з седлами, осмъ, коштовалъ каждый зъ нихъ по сто золотыхъ полъскихъ, взявши и кгвалтовне пограбивъши, до себе запровадили и в заведованю своем маютъ тепер. А мало на том маючи, кгды возы

наши скарбные звычайне, не ведаючи о таковой бурде, до местечка наступовали, теды тот же пан Отрошкевичъ, яко приводца старшый, з войтом и мещаны всими рушившися до возовъ, возьницъ и челядь нашу, которые при возех были, отъбивши, копи, зброе, шаты, рынъштунки и иншие речи побрали, пошарпали и собе ку пожиткови обернули и привлащили; которыхъ шкодъ менуемъ собе на дванадъцать тисечей золотых полских. Потомъ, кгдысмы, то услышавшы с хоронкгвя, хотечи, местечко тое минувши, инде се провадить; лечъ, же обминуть было трудно, муселисмо подъ самое местечко, мимо стену однак, спокойне ити, якож и ишли; теды знову с того местечка пречоные приводцы и мещане з дел, з гаковницъ, з мушкетовъ и иншое розное стрелбы до нас, яко до якихъ непріятелей, пустивши товаришовъ нашихъ подъ хоругвью трох, меновите пана Яна Скрешевского, пана Яна Дурмаковскаго и пана Яна Кгореховъского также и челядника пана Самуеля Сарницкого, Яна Савицкого, барзо шкодливе по розныхъ членкахъ постреляли, которые, неведати, если живы будутъ; подъ самым паномъ Сарницкимъ коня на смертъ забито, который ему коштовал золотых полских сто; и такъ заледво иншое товарыство, с хоронкгвя удеспектованымы будучи, стамтол вышли. О што все, яко се вышей поменило, пречоный скаргу чинячый зоставивши впрод его мл. пану ротмистрови, яко старшому, изневажене его самого, а потом и кождому зособна укривжоному и удеспектованому товаришовы своему и кождого шкоду, бой и раны с помененым паномъ Отрошкевичомъ, войтомъ его тамошним, и мещаны волное и здоровое право в судех належных, повторе изневажене листовъ короля его мл. припов'ѣдных и его мл. пана гетмановых осведчивши, ставил очевисто передо мною возного сперала воеводства Киевского шляхетного Михайла Васковскаго *) . . . . . .

. . . . . .

которое же то оповедане, также и очевистое сознане возного до книгъ замку его кор. мл. Житомирского есть принято и записано.

Ibid., л. 56 об., № 41.

*) Здѣсь опущено свидѣтельство возного.

IX.

Универсалъ коронного гетмана, Кіевскаго воеводы, Станислава Жолкьвскаго, отъ 25 февраля 1617 года, съ призывомъ къ тымъ обывателямъ воеводства, „ktore ochoczy z chęci y miłości ku oyczyznie“, собраться къ нему въ отрядъ для устраненія „niebiezpieczeństw, ktore na państwo Rzeczypospolitey od pogan nastąpili, yduą na Ukraine“.

Ibid., л. 98 об., № 79.

X.

Универсалъ короля Сигизмунда III, отъ 12 марта 1617 года къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, съ извѣщеніемъ о томъ, что „nad dawne, ktorymy mieli s Konstantinopola od posła naszego przestrogi o zamysłach tureckich“, теперь „basza Silistryjsky z woiskiem niemałym y harmatą potężną“, соединившись „z Galgą, cara tatarskiego bratem, ktory teraz swieżo Ukraine splądrowa“, напалъ „woyne zaczoł od dobywania zamkow ukraynnych“ и затѣмъ „dalsze progressy czynić“: въ виду этого король объявляетъ, что противъ непріятеля имъ отправлены „ludzie, w służbę woyskiewską przy krolewiczu Władysławie, synu naszym, zaciągnione, y sam syn nasz tam ydzie“, и приглашаетъ обывателей собраться въ отрядъ Кіевскаго воеводы, чтобы „dalszym zamysłom nieprzyjacielskim wstręt czynić“, увѣдомляя, что и онъ, король, непремѣнно выступитъ, чтобы „sami osobą naszą niebiezpieczeństwo Rzeczypospolitey zastąpić“.

Ibid., л. 192 об., № 192.

XI.

Заявленіе, отъ 17 іюня 1617 года, „шляхетного“ Якуба Рудзьнскаго, слуги „велможное пани ее млти пани Зофіи с Карабчова Ходкевичовое, каштелянки Виленское“, о томъ, что, когда онъ „do Рawы с кварты з добръ державы ея млти пани Виленское Романовскихъ и Скверскихъ, водле люстрации их млти пановъ люстраторовъ, ехалъ, оные для отдания, водле звычаю, до скарбу воз и про-

водилъ", на него напали неизвѣстные ему люди, „овшем снат розбойницы якисе, которым было в личбе чловѣка семь, на лесе межи Заславемь и Острогомь", причинили ему тяжкіе побои и раны и зграбили деньги; побои и раны осмотрѣны и засвидптельствованы возным.

Ibid., л. 311, № 268.

XII.

Заявленіе, отъ 18 іюля 1617 года, „врядниковъ судовыхъ земскихъ" пановъ Яна Аксака, судьи, а Петра Златопольскаго, подсудка, о томъ, что они „до Поволочи, до Белиловки, также и до иншихъ некоторыхъ маетностей, на которыхъ особы некоторые переводы правные маютъ, а потомъ въ Полесе ку Овручему, также и за Днепръ, для отправованя екзекуцыи и досыть чиненя повинности своей урядовой посланы были, где иж для тревогъ великихъ отъ непріятеля Крыжа Светого наступаючыхъ, черезъ шлях татарскій доехати и тое екзекуцыи кончити не могучи, назад се кождый з ихъ милости, где который могъ, вернути мусели".

Ibid., л. 313, № 270.

XIII.

Жалоба п. Данила Стрыбыля, отъ 28 августа 1617 года, о томъ, что п. Адамъ Олизаръ-Волчкевичъ „наслалъ" на имѣніе жалобщика с. Каменный-Бродъ „подъ часъ козацкій и способомъ козацкимъ, с хоровою, обычаем военным, слуг, бояръ и подданных своихъ и мещан Коростешовскихъ и Котеленскихъ", которые „досыт маетност его (Стрибыля), тот Каменный-Бродъ зграбили, злупили"; въ жалобѣ перечисляется и оцѣнивается награбленное у крестьянъ имущество.

Ibid., л. 500 об., № 414.

XIV.

Протестъ обывателей Кіевскаго воеводства, отъ 12 сентября 1617 года, „противъко конъстытуцыи оказованя се межи Фастовом а Трилесами“, „на сойме валномъ Варшавском яко глухо а не специфице уфаленое, которои они подлегати не хочутъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ сбора обывателей въ какое-то ополченіе.

Ibid., л. 525 об., № 439.

XV.

Универсалъ обывателей Кіевскаго воеводства, съ заявленіемъ о томъ, что они собрались между м. Фастовымъ и с. Трилѣсами въ назначенный сеймомъ срокъ, гдѣ и выслушали объясненіе Кіевскимъ воеводой Станиславомъ Жолкѣвскимъ причины сбора, каковой оказалась необходимость принятія мѣръ противъ насилій со стороны своевольныхъ людей,—23 октября 1617 года.

Року 1617, месеца октобра 23 дня.

На вряд его кор. мл. Житомирский, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, присланый и отданый ест универсал от всих их мл. панов шляхты обывателев воеводства Киевского, з печатю и с подписом руки его мл. пана Филона Стрыбыля, чашника земли Киевское а маршалка на тотчас кола рыцерского, дата з межи Трылес и Фастова, где на тотчас для оказываня, яко на местце констытуцыею назначоное, зъехалисе были, в речах певныхъ писаный; которого я, вряд, с повинности своее копиями попереписыват и по местцахъ звыклых розеслат, а потомъ для часу пришлого до книг уписат казалем, и так се въ собе мает:

My, rycerstwo, szliachta, dygnitarze, urzędnicy, obywatelie woiewodztwa Kijowskiego, miedzy Chwastowem y Trilisami, według konstitucyi, ku okazowaniu na tym mieiscu, we trzy niedzielie po s. Michailie uchwalioney, poczuwaiąc się w powinnosciach swoych, postrzegaiąc pien srogich, w teizè konstytucij opisanyh, stawilismy się, nie mogąc się doczekac na dniu pierwszym, drugim y trzecim jmc pana kosztaliana Kijowskiego,

ani p. chorążego doczekac się nie mogli. Przychilaiąc się tedy do porządku y samey słusznosci, bacząc takową niechęc ichmow tych, przed ktorymi mielibysmy się na tym mieiscu prezentowac, czyniąc taki miedzy sobą porządek, a wiedząc o bytnosci jmci jw pana Stanislawa Żolkiewskiego, woiewody Kijowskiego, hetmana koronnego, uzywszy z posrodku kola swego bracią naszą jmci pana Stefana Niemiricza y pana Jerzego Długoborskiego do jw pana hetmana, nawiedzaiąc zdrowie jmci z ofiarowaniem uprzeimey powolnosci naszych. podawszy na facultatem s pewną deklaracyią konferowac posyłali, prosząc przytym jmci o finalny respons, co jmc p. hetman, nasz miłosciwy pan, te chęc y powolnosc nasze za wdzięcznie przyiowszy, przez tych panow posłow naszych respons nam takij dać raczył: chcąc się z nami, obywetelmi tego woiewodztwa, w tej sprawie, ktora zachodzi wsystkie R. P., we wszystkim znosic y porozumiewac, iesli by ci ludzie swawolne roskazania jkmci słuchać nie chcieli, jmc pan hetman chce wykonac wole i roskazanie jkmci i wszystkiei Rzpltey nad onemi, iako niepostusznemi, 'a listami-uniwersałami swymi nas, wszystkich obywatelow wdztwa tego, do grodow Kijowa i Żytomierza, Owruczego, przychilaiąc się do deklaratij naszey, obwiescic chce; a nizli to ma byc, zdalo sie to nam za rzecz słuszną wprzod tymi uniwersałami naszemi, nie czekaiąc, zaczymby uniwersały jmci pana hetmana koronnego rozwieszone były o declaracij naszey, o responsie jmci p. hetmana, tudzież i o prędkiei gotowosci, do wiadomosci wm. odniesli. Rozumiemy tedy, iż nie tylko poganą, ale i podziękowanie od wmw. pp. i braciei za to odniéśiemy, pewniśmy tego; iednak po wm., naszych miłosciwych panach, według deklaracyi naszey, confusi zostawic nie będziecie siebie i nas chcieli. A skoro uniwersały jmci p. hetmana zaidą, żebyśmy zarazem wszisci na konie wsiedli i na też miesce, miedzy Fastow i Trilesy, skupili i porządnie do jmci p. hetmana stawilisie. Gdyz możecie wm. sami dobrze w siebie uważyć, że ta naiwięcey o nasze awgarie, ktore z dawnego czasu cierpiemy od tego swawolenstwa. Ktory uniwersał, prosimy o to pilnie wm., żebyscie wm. ieden do dru-

giego odesłac, niezabawiaiąc, przędko raczili, i iedni ci, ktorzyscie wm. na tem terminie byli, wiecie, wm., dobrze swoią deklaraciią; a ci, ktorzy nie byli, żeby ichmc o tem wiedzieli i dobrze to w siebe uważili. Z tem oddaiemysię z służbami naszemi braterskimi w laskę wm., naszich m. pp. i braciei.

Datum z miedzy Fastowa i Trilesow, dnia 22 oktobris, anno 1617.

Wm. naszich m. pp. życzliwi bracia i sluzic gotowe.

У того универсалу печат одна, а подпис руки в тые слова:

Imieniem wszystkich ichmc pp. ziemie Kijowskiey obywatelow. na ten czas miedzy Trzechlesow i Fastowa zgromadzonych, Filon Strybyl czesznik Kiow. i marszalek na ten czas kola rycerskiego, ręką swą własną.

Што все про памет до книг замку его крол. мл. Житомирского ест уписано.

Ibid., л. 559, № 476.

XVI.

Универсалъ польнаго коронnаго гетмана, Кіевскаго воеводы, Станислава Жолкѣвскаго къ обывателямъ Кіевскаго воеводства, съ предложеніемъ принятія мѣръ противъ своеволія Запорожскихъ козаковъ въ край и походовъ ихъ въ Турцію и противъ грубости, съ которой они позволили себѣ прислать „гордое и надутое“ письмо ему, воеводѣ,—23 октября 1617 года.

Року 1617, месеца октебра, 23 дня.

Ца врядъ кгродскій, в замок его кор. милости Житомирскій, до мене, Яна Галчинковского, подстаростего Житомирского, принесеный и отданый ест лист-универсал от вельможного его милости пана Станислава Жолковского, воеводы Кіевского, гетмана полного коронного, с печатю и с подписом руки властное его мл., до всих вобец их мл. пановъ обывателей воеводства Кіевского, жадаючи о посилок противко встрепту сваволенства козаковъ Запорозкихъ писаный, которого я, с повинности своее врядовое, копии з оного по-

переписывать и по местцах звыклых розослат, а потом и до книг для часу пришлого уписат есми казал; и так се в собе маєт:

Stanisław Żołkiewsky, woiewoda kijowski, hetman coronny, Barsky, Kamionacky etc. etc. starosta —jasniewielmożnym. wielmożnym ichmciom panom senatorom, dignitarzom, urzędnikom i wszistkiemu rycerstwu woiewodztwa Kijowskiego, moim miłosciwym panom y braciei.

Po zalecaniu służb moich braterskich wiadomo czynie— raczicie wm. wiedziec, że dla roskazania jkmci y dla Rzpltey potrzeby przyszedlem tu, w ten krai, żeby swawolenstwo kozackie, ktorego się tak wiele nakupiło y tak wysoką gore wyniosło, do dobrego porządku mogł przywieść; gdyż taka swawola ich dolega wmosciom; zwlaszcza ktorzy tu, w kraiach tych, mieszkacie, doswiadczacie tego, a potym ten zapał mogl by i dalei co nieprzezpiecznieyszego y szkodliwszego w Rzpltey uczynic. Gdyż to chłopstwo, ktore z przyrodzenia narodowi szlacheckiemu nie jest przyiazno, może się y czego inszego gorszego, będzieli zaniedbane, poważic. A do tego ci swawolnicy Rzpltą w szwanki z cesarzem tureckim przywodzą, czego skutek iuż się ukażał, że woyska swe poganskie tureckie i tatarskie y hołdowniki swe przyległe zesłał był cesarz turecky na panstwa Rzeczypospolitey; tylko za łaską Bożą, a obmysłem jkmci, pana naszego miłosciwego, zabiegło się temu, że poganie nie dowiedli mysli swei. Teraz, gdy chcialem dobremi sposoby z temi ludzmi postąpic, chcąc ich do słusznich srzodkow słusznemi umowami przywiesc, dosyc gładko i ludzkie pisząc y wskazywaiąc do nich, napisali do mnie list hardy y nadęty, biorąc sobie za krzywdę, żem się z Pawołoczy ruszył ku Białey-Cerkwie, a daiąc mi znac, że się ku mnie pomykaią; zaczym y mnie nie godziło, iedno ku nim się pomknąc; aczey gdy się do siebie zbliżym, złożą z tey hardosci. A yż idzie o spolną Rzpltą, a osobliwie o tuteczne kraie, wzywam wm. wszech, iako do spolnego zapału gaszenia, żebyscie wm. raczili przybywac do woyska jkmci; tym prędzei to swawolenstwo poskromic i pogamo-

wac się może, kiedy społny wszech wmw. consens do powsciągnienia swoiei swawoli obaczą.

Dan w Białei-Cerkwi, dnia dwudziestego pierwszego octobris, tysiąc szescset siedmnastego.

У того универсалу его милости пана гетмана полного коронного печат притиснепая его милости, а подпис руки его мл в тые слова:

Stanisław Zolkiewski, wwda kijowski.

Который же то вышъменованый универсал его мл. пана гетманов до книг кгродских Житомирских ест принято и записано.

Ibid, л. 55 об., № 478.

XVII

Заявленіе п. Яна Гулянницкаго, слуги Кіевскаго земскаго писаря Яна Акчака, отъ 9 января 1618 года, о томъ, что когда онъ везъ деньги въ г. Острогъ по порученію своего господина, то недалеко отъ г. Житомира на него напали „не вѣдати што за люди о килканасту коней, з бронями, з пулчаками, инстирате, обычаемъ разбойницкимъ", причинили ему, заявителю, тяжкіе побои, ограбили деньги и разныя вещи и увели съ собой бывшихъ съ нимъ „возницу и выростка", и „ведомости о них не маш, где подели, если позабивали албо потопили"; подтвержденіе возными, по произведенному ими разслѣдованію, справедливости этого заявленія.

Ibid., л. 696, № 20.

XVIII

Жалоба п. Мартина и друг. Бутовичей, отъ 16 февраля 1618 года, „напротивко жолнеромъ людей своволныхъ, яко се они сами быть менуют, волоскими, хоронгвы двохъ одное роты и хоронгвь его мл. пана Фаленскаго", о томъ, что они, „квалтовне наехавши на маетность" жалобщиковъ „место Брусиловъ, тамъ же припустивши до штурм; и выбивши ворота", ворвались въ городъ и совершенно его разорили, нѣсколькихъ человѣкъ убили и замучили до смерти, а другимъ причинили тяжкіе побои и раны, сожгли

нѣсколько домовъ и заграбили много имущества; наконецъ, своевольные жолнеры взяли съ жалобщиковъ подписку въ неимѣніи претензій и вынудили долговую запись на 500 пол. злотыхъ.

Ibid., л. 79, № 100.

XIX

Заявленіе пп. Филона и друг. Вороничей, отъ 17 февраля 1618 года, о томъ, „иж дей снат. неприятель який, будучи от кого направленый на учинок нижепомененый злый а непристойный, замокъ нашъ Трояновский праве з полночи з дня петнадцатого на шестьнадцатый месецъ февраля . . . . . кгды люде сном великим обътяжены были, ... запалили; за которымъ запаленемъ черезъ того неприятеля того замку", все имущество ихъ, Вороничей, всѣ грамоты и документы погибли въ огнѣ; заявленіе засвидѣтельствовано вознымъ.

Ibid., л. 770, № 101.

XX.

Жалоба Ярославскихъ и Михайловскихъ мѣщанъ о наѣздѣ на ихъ мѣстечка п. Криштофа Немирича и п. Андрея Павшича, вмѣстѣ съ ротой п. Самуила Лаща, о взятіи ими штурмомъ этихъ мѣстечекъ, убійствѣ нѣкоторыхъ мѣщанъ, нанесеніи ранъ многимъ другимъ, сожженіи женщинъ, поджогѣ домовъ и грабежѣ имущества жалобщиковъ,—26 февраля 1618 года.

Року 1618, месеца февраля 26 дня.

На вряд замку его кор. мл. Житомирского приславши и обличне в замку Житомирском становши, месчанин Михайловский мѣста кроля его млти Михайлова, в повѣте староства Овруцкого лежачого будучого, на име Стефан Прилипич, сам от себе и именем от войта Михайловского именемъ Василя Романовича Новодворца, а месчан: Данила Ошевича, Михайла Случанина а Есипа Жмики, сотниковъ местскихъ; Клима Чуриловича, Якима Забуженина, Войтеха а Петра Горошковцовъ, Семена Стовпеницы, Семена и Матыса Соколовцов, Петра Горошковца, Семена Сталецкого, и от всѣх

месчан Михайловских и Ярославских, посполства, от килкусет людей. в мѣсте Михайлове и Ярославю добре оселых, жаловал и оповедал з великим утяженем на их млть, то ест на урожоного пана Кришгофа Немирича, земенина воеводства Кневского, и на помочника его пана Андрея Федоровича Павщича, который банневаный ест, а на поручника роты его мл. п. Самоеля Ласчовы, п. Юря Высоковского и всего их товарыства роты п. Ласчовы, иж оные вси люду розного конного, в зброях о петсот, або и болей, корогве чотыри, полком способившисе и одною радою намовившисе, которым есмо з себе и подарков золотых сто обецат далисмо, вже оны мѣсто Ярослав и предмѣсте от Искорости, и вси гумна подворки наши, зо всими достатки, живност огорнули; они, не огледаючисе на боязн Божую и права посполитого, на сваволных утвореное, року нинешнего, тисеча шестсот осмнадцатого, месеца февраля деветнадцатого дня, з стрелбою огнистою розною, з шмикговницами, с полдялки, з мушкеты, моцно, кгвалтом, умыслне наехавши и оступивши мѣсто Михайлов, острогом прохеварованое, а на другом мѣстечку, называемом Ярославу, там же тому мѣсту Михайлову прилеглое, возы лежею обозом о тисечу застановивши, ку оному мѣсту Михайлову къ бакштам и ку острогу штурмы, спешившисе, розными месцами поробивши, стрелбу огнистую в мѣсто Михайлов на месчан, яко одны непрятели, пустили, в острог, в мѣсто, уламуючисе, секирами дири вырубавши, а на передмѣстю з обудвухъ сторон домов килкадесят и у подворках огнем запалили; тамже, в мѣсте Михайлове, през цалый ден штурмуючи, аж до самое ночи, месчан чоловѣка десет с полгаковъ и з мушкетов на смерть позабивали, а меновите на смерть забитые: Трохим Годотовец, Юрко Гончар, Ермола Совпеничич, Остап Сотникъ, Антон Андруховичъ, Остап Русаковичъ, Трохим Романовец, Васил Кривопускъ, Евсий Тимошевич а Трохим Девошинец, а иншихъ, то ест двох невяст и мужчизны чоловѣка з тридцат, также стрелбою з мушкетовъ и с полгаков кулями стрелянем шкодливе поранили, которые, не вѣдаем. естли живы будут; а иншихъ

бѣлых голов и мужчизны о десет чоловѣка, которые с предмѣстя в мѣсто бегли, не могучи вже в мѣсто упаст, под острогом над озером в лазню были упали, оных, соломою оболокли, живых огнем попалили. А маетности местское в мѣсте Ярославю, же толко з мѣста Ярославя в острог мѣста Михайлова ледво душами упали, также и всего мѣста месчан Михайловских з домов, клетей, в подварках, в гумнѣх, в оборах, в броварох выбраня котлов, а особливе маетности рухомое, збожя вшелякого зсыпаного и муками зготованого, садел полтей, мясами, а коней, волов, коров, быдла рогатого, с подварков заняли о триста овец, а в пасеках меских в ульях пчол выдрали медами полтараста роев; всего забрали на двадцат тисечей золотых полских. И то все, своволный учинок свой, пополнивши, з добром мѣста Михайлова и мѣстечка Ярославя, з домов, з гумен, с подварков выбравши, на розные части межи собою роздялек учинили и з собою на пожиток свой попровадили, а мѣсто Михайловъ и мѣстечко Ярослав зубожили и вилвеч обернули. Што все часу права, нам то, яко нарыхлей тепер вѣдомост его млти пану старосте Овруцкому из рамени короля его млти донесено будет, же и на сес час у великом небезпеченстве здорову и трохе позосталое маетности естесмо обтяжени до остатней крывды и шкоды, списане на реестре окажем. При которой протестацыи месчан Михайловских, року, месеца и дня вышписанаго, передо мною, врядом, обличне ставши два возных енералных воеводства Киевского шляхетный Михайло Васковский а Василей Крупский, которые, за жалобою войта и месчан Михайловских и Ярославских, были и оными водле протестацыи свой обвод, оказ чинили, ку записаню до книгъ замку его кор. мл. Житомирского, при квите своем, под печатми и с подписами рукъ их, зезнали очевисто в тые слова: Я, Михайло Васковский, а я, Василей Крупский, возные енералные воеводства Киевского, зезнаваем тым квитом правдивого зезнаня нашого ку записаню до книгъ замку его кор. мл. Житомирского, иж року тепер идучого, тисеча шестсот осмогонадцат, месеца

февраля двадцат третего дня, будучи нам, возным, взятымъ на справу и потребу подстаростего Михайловского пана Василя Янчарскаго, а войта Михайловского Василя Романовича и всих месчан посполства, теды за оказанем жалобою их видели есмо, напрод, у церкви в мѣсте Михайлове чоловѣка десет тяла окрутьне с полгаков стреленем забитых, же в кождом теле по килку пострѣлов кулями нам, возным, оказовали, в месте с предмѣстя Искоростинского, же с полдялков и з мушкетовъ, зъ штурмовъ стреляно; видели есмо у бакшты ворота и вереи, аж в домы меские кули пострелом уносили, также з штурмов до острога и до тое бакшты, же з обудвух сторон бакштъ мѣсто оступленое, острог штурмом, секирами дюры вырубованы и з мушкетов стреляно там въ бакшты, в острог, в домох меских кули уходячие праве значне; невяст двох и чоловѣка о тридцат, шкодливе пострѣленых, нам, возным, оказовали, яко меновали, же ледво который жив зостанет. В месте плачъ великий, утискъ. А на предмѣстю от Искоростина, тут же, близу острога видели есмо, за оказанем всих панов месчан Михайловскихъ, тую лазню спаленую, в которой менили же невест и мужчизнъ о десет душъ, которые в место бегли и в тую лазню-хату упали, огнем, соломою оболокши, попалено; а около мѣста соломою все обволокивано, бервеня зъ хатъ на штурмы барзо веле под острог навожено; на предместю з обудвух сторон хат о тридцати, слодовне килка огнем попалено. В мѣсте Ярославю з домов и з подворковъ и всего мѣста Михайлова, яко жаловали месчанове, маетности и статков през п. Криштофа Немирича, а Андрея Павшича и через роту его мл. п. Ласчову, а поручника п. Юрія Высокинского, на коню на десят тисечей забрано, и домы, хаты огнем попалено, людей позабияно, инших поранено, до мѣста бурды, штурмы чинено и все шкодливе обернено; мы теды, возные, за жалобою оказанем п. подстаростего Михайловского, также войта и всѣхъ месчан, дали есмо на писме ку записаню до книг врядовых сес квит под печатми и с под-

писомъ рукъ нашихъ. Котороеж то очевистое сознане возных до книг есть принято и записано.

Ibid., л. 780, № 109.

XXI.

Жалоба п. Павла и Григорія Щенѣвскихъ о грабежѣ ихъ имущества толпою своевольныхъ людей и козаками какого-то Александра Кошки, собиравшимися въ м. Трояновѣ, вмѣстѣ съ боярами и крестьянами п. Анастасіи Хлусовичевой и п. Маріи Щенѣвской при вооруженномъ нападѣ ихъ на с. Щенѣвъ.—8 апрѣля 1618 года.

Року 1618, месеца априля 8 дня.

На вряде его кор. мл., замку Житомирского, передо мною, Яномъ Галчиновским, подстаростим Житомирским, ставши очевисто пан Павел Сченшевский, самъ от себе и именем брата своего рожоного пана Григоря Сченшевского, оповедал и обтежливе жаловал на урожоныхъ паний Настасю Воронянку Матысовую Хлусовичовую, а Марю Хлусовичовну Федоровую Сченшевскую, братовую свою, в тот способъ, иж дей они, не контентуючис першимъ розным чиненемъ кривдъ и шкод великих, часов прошлых нам самым и подданым нашым Сченшевскимъ, так через себе самых, яко подданых своих и особъ розных направованемъ до чиненя теж нам великих кривдъ так в збожах, яко и в сепожатех наших, на чом всем не переставаючи, овшем и на том мало маючи, иж, будучи белыми головами, сами особами своими далших горших кривдъ и шкод нам чинит не могучи, єднакже способов на то розмаитых заживали, яко бы до горшого убозства и зниченя нас привести могли, не ведат, для якое причины, безвинне, ничого до нас не маючи, людей правом и покоем посполитым обваруваных, подчас сваволенства великого и збираня се кушъ сваволных гултаев, чуючи о том, иж теж на тот же час близкий, правный и повинный их, неякийсъ Александер Кушка, взрушаючи покой посполитый, поднес корогов в мисте Трояновце, маетности их мл. панов Вороничовъ, для збираня козаков и розных гултаев,

также и подданых их мл. пп. Воронічов, где, поехавши до него, хотечи предесвзятый замысл свой скуткомъ довести, великими прозбами и намовами оного, абы он якоес кривды се на нас мстил, жадали; который, будучи упрошоным о то от вышменованых, а запустивши юж на такую шарпанину, кгволи им усе чинечи, маючи от них приданых помочников, слуг, бояр и подданых их, въ року теперешнемъ, тисеча шестсот осмнадцатом, месеца априля пятого дня, вышменованый Кушка с тамтым гултайством и помочниками, отъ особъ вышменованых ему на то приданымн, которым они сами лепей имена и назвиска видают и их знаютъ, досыт чинечи прозби и намове их, наехавши на маетност нашу село Ченцев, и на дом брата моего п. Григоря Ченцовского, там же его в дому заставши, яко чоловѣка убезпеченого и никому нічого невинного, почали с пулгаков стреляти, страхи розные, деспекты выражат, хотечи его з дому выстрашит, который иж не был никому нічого винен, теды не хотѣл проч ити, однак оных усилне просил, абы того чинит перестали; которые ач за прозбою его не бючи, однак самого его з сукон на взкгарде зволокли и в дому коморы поотбиваючи, такъ скрыни маетность его усю побрали и пограбили и пошарпали, яко грош готовые, золото, сребро, цын, мид, кони, быдло, шаты, хусты мужские и белоголовские, ово згола все от мала до велика нічего не заставивши, где и моих речей немало, которыем при том брате своем был заставил, побрали и пограбили. А потом и на том мало маючи, на домы подданых нашихъ наежчаючи, коморы отбиваючи, што се им уподобало, брали, грабили, з стаен и з обор, кони, быдло и всю маетност их до сченту, приводечи их до убозтва великого и знисченя, што все ширей а достаточней на позвах выразне каждая речъ положона и спецыфикована будет. И то все побравши и пограбивши, до домов их в том селе Ченцеве отвели, отвезли и отпровадили, и им отдали; а они от них узявши, на пожитокъ свой обернули и привласчили, тым се контентуючи и оным за тое велце дякуючи, иж прозби ихъ досыт учинили.

При которой протестацыи вышменованый п. Павел Сченсевский, верефикуючи тое скарги своей, ставил очевисто передо мною возного енерала воеводства Киевского шляхетного Василя Сосницкого, врядовне до тое справы везваного, который, чого свидом будучи, в моц правдивого сознаня своего квит, с подписом руки своей, для записаня до книг заразом, при оной же протестацыи учинивши, подал в тые слова: Я, Василей Сосницкій, возный енералъ воеводства Киевского, сознаваю то на сем моем квите, ку записованю до книг, иж в року тепер идучомъ, тисеча шестсот осмнадцатом, месеца априля семого дня, за приданемъ урядовымъ, з стороною двема шляхтичами п. Миколаем Ястрембъскимъ а п. Войтехомъ Скурковскимъ, былем везваный от урожоных пп. Григоря и Павла Сченсевских, брати рожоное, до села Сченсева на справу и потребу их, где напервей в дому п. Григоря Сченсевского, там, за обвоженемъ и оказованемъ его, виделом до комор двох дверп поодбияны, замки полупаны, скрын великих дво полупаных, порожне на земли валяючихсе; до того, за обвоженемъ обохъ, так п. Григоря, яко и пана Павла Сченсевских, виделом у подданых их килкунастей поотбиваные, што все меновали быт сталое за наеханъемъ квалтовным неякогос Александра Кошки, з людми своволными, гултяйствомъ, козаками, о колкосот чоловека, через направене и упрошене на учинене такового ексцесу оным от панее Настаси Воронянки Матысовое Хлусовичовое и панее Мари Хлусовичовны Федоровое Сченсевское, придавши оным до того на помоч слуг, бояр и подданых своих, причомъ и побране маетности, речей рухомых, с тых скрын и комор, так п. Григорей своих, яко и п. Павел Сченсевскій своихъ, в схованю п. Григоря будучих; веицъ и тые подданые их, барзо веле в протестацыи вышей положоных быт меновали, которые дей побравши и ограбивши панеи Хлусовичовои и панеи Федоровой Сченсевской то все до рук отдали. А так я, возный, при чем есми был, што видел и слышал, то все на сем квите с подписом руки своеи даю и очевисто сознаваю. Которое ж то оповедане, так-

же и очевистое возного сознане, до книг замку его кор. мл. Житомирского ест принято и записано.

Ibid., л. 877, № 211.

XXII.

Универсаль Кіевскаго намѣстника Стефана Мшанскаго о препровожденіи кн. Адамомъ Ружинскимъ и п. Якубомъ Тулковскимъ въ замковую тюрьму п. Крыштофа Немирича, обвиняемаго въ наѣздахъ съ толпою своевольныхъ вооруженныхъ людей на разныя имѣнія, въ сожженіи домовъ въ селахъ и городахъ и вообще въ нарушеніи общественнаго спокойствія; при этомъ намѣстникъ приглашаетъ обывателей воеводства собраться 24 апрѣля въ г. Житомірѣ „до купы" для производства суда надъ Немиричемъ.—12 апрѣля 1618 года.

Року 1618, месеца априла 12 дня.

Принесеный и отданый ест на вряд его кор. мл. Житомирский до мене, Яна Галчиповского, подстаростего Житомирского, от урожоного пана Стефана Мшанского, намѣстника Киевского, лист-универсал, с печатю и с подписом власное руки его, означаймуючи их мл. панам шляхте обывателем воеводства Киевского о отданю на вряд его кор. мл. Киевский через их млти князя Адама Нарымунтовича Ружинского и п. Якуба Тулковского, яко турбатора покою посполитого, урожоного пана Крыштофа Матфеевича Немирича, писаный, через возного енерала воеводства Киевского шляхетного Павла Боровского, о чом ширей тот универсал в собе обмовляет. Которого я, вряд. с повинности своей, впрод через тогож вышейменованого возного на рынку Житомирском обволати и публиковати, приводечи до видомости людское, казал, а потомъ, до книг приймуючи, перед собою читати казал, и так се в собе, писмом полским (писанный) мает:

Jasnewielmożnym ichmsciom panom senatorom, urzędnikom y wszystkiemu rycerstwu obywatelom woiewodstwa Kiowskiego, moym mściwym panom i łaskawey braci. Po zaleceniu powolnych służb moich, wiadomo czynie w. mściom, yż

w roku teraznieyszym, tysiąc szescset osmnastym, miesiąca kwietnia dziewiątego dnia, w niebytnosci, za obraniem poslem s posrodku w. msciow i odiachaniem na teraznieyszy seim, temi czasy skonczony, samego jmc p. Michała Myszki-Chołoniewskiego, podwoiewodzego Kiiowskiego, przez ichmsc xiążęcia Adama Rużynskiego a p. Jakuba Tułkowskiego przyprowadzony iest na urząd grodzky Kiiowsky urodzony p. Krzysztof Matfeiewicz Niemirzyz, iako turbator pokoiu pospolitego, czynieniem po te wszystkie czasy, z kupą takich że liudzy swowolnych, naiazdow na domy szlacheckie, gwałtow, mordow, paleniem domow, łupieniem po miastach, wsiach, i innych okrutnych, haniebnych i przedtym niesłychanych ekscessow. A przy oddaniu onego na urząd ych msc xiąże Rużynsky i p. Tułkowski, iako własni dobrzy synowie y strożowie pokoiu oyczyzny, obmysliwaiąc o tym, iakoby wmsciom wszystkym o poimaniu tego to turbatora wiadomosc iako naprenzey dac mogli, używali w tem urzędu. Ja tedy, s powinnosci urzędowey, pogliądaiąc na obostrzezenie prawa, na takich swawolnych w konstitucyi, anno 1611 na seimie ufalioney, opisanego. i owszem we wszystkim sie według oney zachowuiąc y postrzegaiąc, aby na potym żadna pena tak na urzędzie, iako y na mianowanych ych msci xiążęciu Rużynskym a panu Tułkowskym nie została, w. msciom a ile tym, ktoryscie są od takich swawolnych skrzywdzeni, naznaczam czas y dzien pewny na dzien dwudziesty czwarty miesiąca kwietnia, w roku teraznieyszym, 1618, w zamku Kiowskym, na ziachaniesie do kupy dlia szyrszey namowy o pohamowaniu takich turbatorow i swawolnikow i o niepozwalianiu onym więcei sie szerzyc i gromadzic. Względem zas i tego, yż, za nastąpieniem teraznieyszego trybunału, roczki nie prędko przypadną, aby zatym przedłużeniem, a za nieczułoscią w. msciow samych mianowany turbator iakiego forteliu o wyzwolieniu siebie z wiezienia nie przemyślił. Co tak ożnaimiwszy i do przestrogi w.msciom podawszy, powtorze służby me w łaske w.msciow ofiaruie.

Pisan w zamku Kiyowskim, anno 1618, miesiąca kwietnia 10 dnia.

У того универсалу печат пана наместника Киевского, а подпис руки его в тые слова:

Stefan Mszansky, namiesnik Kiiowsky.

Што про памет до книг ест записано.

Ibid., л. 901 об., № 234.

XXIII.

Жалоба п. Якуба Медушевского объ ограбленіи его въ пути между мм. Радомышлемъ и Рожовымъ бродягами, именующими себя козаками полковника Станислава Калиновскаго,—23 апреля 1618 года.

Року 1618, месеца априля 23 дня.

На вряде кгродском, в замку его кор. мл. Житомирскомъ, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим житомирским, постановившис очевпсто, урожоный п. Якубъ Медушевский, жалосне оповедане и осведчене таковым способом чинил, иж дей кгды в сем року, тисеча шестсот осмнадцатом, перед припадшемъ судов трибуналских в Люблине власного воеводства Киевского и консерват по отсуженю оного, на котором маючи я пилные и важные справы свое, так за апеляцыями от суду земского и з кгроду Киевскихъ выточоными, яко и в розных инших терминах с причин певных завпслыми, пустилем ся был умыслне завчасу тамъ до Люблина, теды на дорозе доброволной, межи Радомышлем и Рожовомъ, перенявши мене люди якпес, сваволныи козаки, менуючиеся быт полку Станислава Калиновского, способом разбойничим первей самого поймали, страхи розные битем и мордерством здоровю моему задавали, а потом, штоколвек при мнѣ было, так справы мое вси з рознымп особами с поводства моего и противко позываючим мене маючие, яко грошей готовых золотых осмъдесят, межи себе розшарпали, а мене самого до того полковника своего, до Радомышля привюдши через цалый тыжден и далей за вартою держали. Уходечи теды яких от когоколвек там в Люблине неправхын за таковым неприбытем своим, отриманя вздано зыс-

ков на теразнийшом термине суженя воеводства Киевского и ознаймуючи о невинности своей, соленитер се сведчу, просечи, абы то до книг принято и записано было,—што отримал.

Ibid., л. 931, № 261.

XXIV.

Заявленіе п. Петра Вельгорскаго, отъ 28 апрѣля 1618 года, о томъ, что „непріятель Крыжа Светого, татаре, плюндруючи крае розные яко Подольскіе и Волынскіе, ограбили у него всѣ деньги и документы въ то время, когда онъ „въ барзо важныхъ потребахъ" своихъ ѣхалъ „до Луцка, маючи волю на Корецъ ѣхати".

Ibid., л., 138, № 269.

XXV.

Жалоба п. Яна Хмелецкаго о нападеніи на его полкъ въ м. Трояновѣ вооруженныхъ тамошнихъ мѣщанъ и крестьянъ,— 11 мая 1618 года.

Року 1618, месеца мая 11 дня.

Писал и присылал до вряду его королевское милости, замъку Житомиръского, до мене Яна Галъчиновского, подстаростего Житомирского, урожоный п. Янъ Хмелевъский,. полъковникъ войска яснеосвецоного княжати его мл. пана Краковъского, оповедаючи и протестуючисе на урожоного п. Өедора Воронича тыми словы, ижъ дей в року теперешнем, тисеча шестъсот осмнадцатомъ, месеца мая первого дня, идучи мни з людомъ княжати его млти ку Вилъску для знесеня того гултяйства-козаковъ полку Калиновъского, подълуг росказаня княжати его млти пана Краковъского, моего милостивого пана, пришълосмы было гостинъцомъ звыклымъ на место Трояновку, маетностъ помененого пана Федора и пана Миколая Вороничовъ ити, где, кгды мы хотели переходитъ, теды пан Өедор Воронич, взявши перед себе злый умыслъ, не помнечи ничого на пристойностъ свою шляхецкую, видаючи о насъ, якосмы проходити мели, по мѣсцахъ способных людей и подданыхъ своихъ Трояновскихъ розно с стрелбою огнистою засадивши, тамже немало товарыства и пахоликов

наших з гаковниц, пулгаков и з ручницъ постреляли, на члонкахъ похромили, о чомъ достаточней часу волнийшого протестацыю на писме з реляцыею возного, о которого о придане прошу, на писме подат не занехам; а тепер абы тое оповедане в способъ акъту до книг принято и записано было,—што есть записано.

Ibid., л. 953 об., № 281.

XXVI.

Универсалъ короля Сигизмунда III, отъ іюня 1618 года, съ извѣщеніемъ, что прибывшій изъ Константинополя польскій посолъ сообщалъ, что Скиндеръ-паша, вмѣстѣ съ другими пашами и воеводами Семиградскимъ, Молдавскимъ и Волошскимъ въ большомъ числѣ, собираются идти войной на Рѣчь-посполитую, а татары уже разорили Покутье; поэтому король приглашаетъ обывателей „dla sławy zacnego narodu Polskiego" выступить, вмѣстѣ съ королевскимъ войскомъ, „przeciwko tym rodzaiom, nieprzyjacielom Krzyża Świętego".

Ibid., л. 1018, № 349.

XXVII.

Постановленіе обывателей Кіевскаго воеводства о томъ, что вслѣдствіе совершеннаго разоренія ихъ имѣній своевольными людьми, они съ трудомъ могутъ уплатить прежнюю подать и не допускаютъ взиманія новоустановленныхъ,—1 іюля 1618 года.

Року 1618, месеца июля 1 дня.

На врядѣ кгродскомъ, в замку его кор. мл. Житомирскомъ, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским, постановившис очевисто, урожоные их мл. п. Иванъ Пилиповский, а п. Павел Ставецкий, именем их мл. пп. обывателев воеводства Киевского, дня нинешнего, на дате вышей менованого, повагою конституцыи сейму близко прошлого, в сем же року у Варшаве отправуючогос, для обраня спосродку себе поборцы до выбраня поборов двох

ланового и чопового, на том же сеймѣ уфаленого, а черезъ их мл. пп. пословъ земских, з вдства Кневского, на том сеймѣ будучих, до братъи взятого, тут, на месце звыкълое и констытуцыею назначоное, зъехалыхъсе, подали на писме, с подписами рукъ их мл. декларацыею своею, о неиоступленью тых двох поборовъ з вдства Кневъского, жадаючи, абы принята и для часу пришлого до книг замку его корм. Житомирского уписана была. А такъ я, врядъ, водъле повинъности своей, ку вѣдомости своей приймуючи, перед собою читати казал, и так се в собе маст:

My, rycerstwo, szlachta, obywatelle woiewodztwa Kijowskiego, ktorzismysię na then czas na seimik, według konstitucyi seymu przeszłego Warszawskiego, w roku teraznieyszym, tysiąc szesset osmnastym, odprawowanego, po swiętłym Janie, na dzien pierwszy miesiącza julij naznaczony, ziechali, a to dla namowienia poboru drugiego, tak łanowego, iako y czopowego, iesliby tho nasze wdztwo słusznie dac miało y mogło jego krolewskiey mci y Rzeczypospolitey, a zathem y poborce na tho obrac. Tedysmy my wszyscy się, ziechawszysię na then dzien pomieniony, uważaiąc y upatruiąc z sobą zgodnie wielkie swoie y poddanych naszych zniszczenie y spustoszenie od liudziy swawolnych y drapieżnych, do Moskwy idących, w dobrach naszych stałe, nietylko żeby thego drugiego dac pozwolic mieli, ale naweth y thego pirwszego, za pozwoleniem ichmc pp. posłow naszych, z wielką cieżkoscią y trudnoscią wydaiemy y wydac możemy; dla czego też y na then czas my wszyscy zgodnie i iednostaynie s pomienionych prziczyn thego drugiego poboru łanowego y czopowego pozwolic dawac nie możemy y nie moglismy, y na tho wszystki zgodnie rękami swemi podpisawszysię, pieczenciamy swemi zapieczentowalismy.

У тое декларацыи подъпис рукъ в тые слова:

Lukasz Witowski.—Федоръ Ставецкий.—Piotr Strybil.—Philon Woronicz.—Ostafi Strybil.—Daniel Strybil.—Andrzey Woronicz.- Jan Korczewsky.—Iwan Pilipowsky.—Tymofi Humieniecky.—Pawet Stawecky, ręka—Григорей Кваличъ.—Jan Sierchowsky.—Siemion Druczanin-Kniechininsky.—Jan Zmodzky.—Roman Cholilowicz.—Pawel

Szczeniewsky, ręka.—Семенъ Олекшичъ Кгерановъский.—Mikolay Dachnowicz.—Иванъ Кевличъ Бражинский, reka swa.—Миколай Корьчевский.—Piotr, Юрко и Иван Счениевские, рукою власною.—Jarosz Szemeth.—

Што все про памет до книг ест уписано.

Ibid., л. 1004, № 340.

XXVIII.

Жалоба п. Петра Стрибыля о нанесеніи побоевъ и ранъ его крестьянамъ въ м. Студеной Водѣ п. Иваномъ Щеніевскимъ и полковникомъ Мискомъ Фастовцемъ съ козаками,—8 іюля 1618 года.

Року 1618, месеца июля осмого дня.

Писал и присылал до вряду его кор. мл. замку Житомирского, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, урожоный п. Петръ Стрыбыл, оповедаючи и обтежливе жалуючи на Ивана Ждановича Щениевского, яко принцыпала нижей справы менованое, который то Иван Щениевский, не маючи на томъ досытъ, иж в том року тисеча шестсот осмнадцатом, про небытност на тот час мене в дому моем, кгдым на сейме валном Варшавском и на трибунале Любельском, при отправованю справ воеводства Киевского, для велце важныхъ справ своих был, помененый Щениевский з ниякимсъ Миском Фастовцем, полковником, который, поднесши хоронкгевъ и зобравшы до себе людей люзных, своволных, з местечок околичных, межи которыми и тот Иван Щениевский будучи, не на жадную послугу Речи-посполитое, але наезджаючи кгвалтовне на домы шляхецкие и маетности их, яко еден неприятелъ, штурмами добываючи, през огон зносечи, людей розного стану забияючи, мордуючи, коморы одбиваючи, маетности лупечи, до домов своих отпроважали, якож и маетност мою местечко Студеную Воду, кгвалтовне наехавши, которую в ночи умыслъне запаливши, маетностъ всю подданых моих злупивши, през огон до кгрунту знесли и фолварки мое власные, при том же местечку будучие, з быдлом и зо всим спрятом, до кгрун-

ту знесли и челеди двое огнем згорело на смертъ, и инших окрутных ексцесов наробивши, до домов своих с тым лупом отехали, о чом ширей першая протестация в той справе в собе опевае. То пак помененый Щениевский, чим далей, тым барзей не уставаючи в том предсевзятю своем, заюшившисе и роспаствившисе над тою маетностю моею Студеноводскою, року тисеча шестсот осмнадцатого, месеца июля пятого дня, сам особою своею и с помочниками своими, имены ему ведомымы, которых до килканасте чловека могло быт, наехавши моцно кгвалтом на маетност мою село Студену Воду, там же подданых моих, яко людей невинных, побил, поранил, а меновите: Андрея Немчура окрутне в левую руку в локот шкодливе ранил шаблею; Андрея Качана также збил, змордовал, с которых ран неведат, будут ли живы. О которое кгвалтовное наехане и о поранене подданых, также и о кгвалт суседский п. Стрыбыл оферуетсе правне чинит с тым то Щениевским, якож и возный енерал воеводства Киевского шляхетный Лаврин Козловский того кгвалтовного наезду на село Студену Воду и о зранене подданых, ставши на вряде в замку кгродскомъ Житомирскомъ передо мною, ку записованю до книг сознал тыми словы, иж дей року теперешнего, тисеча шестсот осмнадцатаго, месеца июня пятого дня, будучи мне на тотчасъ в маетности п. Петра Стрыбыля в селе Студеной Воде, при бытности моее на тот час, п. Иван Францович Щениевский моцно кгвалтом сам особою своею и с помочниками своими, которых могло быт до килкунасту чловека, наехавши на село Студену Воду, подданых п. Петра Стрыбыля Студенецких, людей невинных, на селѣ стоячих, побил и окрутне поранил, а меновите: Андрея Немчура в руку левую, в локот, шкодливе шаблею ранил, Андрея Качана также побил и помордовалъ; с которых ран не ведат, будет-ли жив, на што я сам очима своими гледелъ и виделъ, яко и того ранного подданого п. Стрыбылева Андрия тутъ, в Житомиру, на замку его кор. млт. и передо мною становили, который ест шкодливе ранен. Которое ж то оповедане, так теж и очевистое

возного сознане, до книг замку его кор. мл. Житомирского ест принято.

Ibid., л. 1019, об., № 350.

XXIX.

Жалоба п. Богдана Щенѣвскаго о нанесеніи ему и его матери въ с. Сынгаяхъ тяжкихъ побоевъ п. Богданой Сынгаевской по совѣту со своимъ сыномъ Мазепой Сынгаевскимъ, своевольнымъ козакомъ изъ полка какого-то Кошки,—9 іюля 1618 года.

Року 1618, месеца июли девятого дня.

На вряде его крол. мл. замку Житомирского, ставши очевисто, урожоный п. Богдан Щенивский, сам от себе и именем урожоное панее Оксиніи Ласковны Стрымелецкаго, Ивановое Щенивское, матки своее, с притомностю при ней речоного отца своего и малжонка ее вышменованого, яко опекуна назвирхного, еслибы того потреба была, жалуючи и протестуючис противко урожоное панее Богданы Ходаковского Михайловое Сингаевское о то, иж року теперешнего тисеча шестсот осмнадцатого, месеца июня дватцат семого дня, кгдым я с панею маткою своею з дому и маетности своее Сингаевское приехали были до млина своего сполного з речоною панею Сингаевскою, в том же селе Сингаях, для розмеру збожя млынового, тамже речоная пани Сингаевская, маючи дей для мене неякийс ранкор, а снат зачасу добре нарадившис и намовившис з сыном своим Мазепою Михайловичом Сингаевским, который есть тепер сваволным козаком, лупезцею а кгвалтовником в короне Полской и великомъ князстве Литовскомъ, в полку неякогос Кошки, из многими слугами и подданымі своими, которых было чловека до десятка, самое панее Сингаевское, тых особы менованые прозвиска знаемых и ведомых, без даня жадное причины так моее, яко и пани матки моее, а наболшей в падею снат своего реченого Мазепы Сингаевского, козака, напервей сама пани Сингаевская, запомневши срокгости права и вин в нем описаных, моцно кгвалтовне

сама руками своими панеи матце моеи речоноі на твари з правого и левого боку ран пят пястю синих спухлых, битых, кровю населых, задала, а потом тые слуги и подданые, з власного росказаня ее, киими речопую панюю матку мою збили и зранили, и ран на хрибте и на плечах синих спухлых, кровю населых, до осми позадавали; а потом мене самого таяж пани Сингаевская руками своими также и с тымиж вышречоными слугами и подданими своими, тамже зараз збили и зранили, на твари ран три синих спухлых, битых, на руках обеих вышей и нижей локтя ран пят, на плечах и на хребте ран сем киим битые спнеспухлые позадавали. О которое кгвалтовное збите зранене матки своее, яко тежъ и себе самого, речоный п. Богдан Щенпевский, оферуючи тую ж панюю матку свою яко и себе самого, з вышменованою панею Сингаевскою хотечи правне чинит, просил мене, вряду, пан Богдан Щенпевский о придане возпого на огледане того кгвалтвного збитя и зраненя панее матки своее, яко теж и себе самого. Я, с повинности вряду своего, на то придалемъ вознаго енерала воеводства Киевского шляхетного Василя Сосницкого; которая ж то протестация п. Богдана Щенпевскаго, так теж и очевистое возного сознане, до книг кгродских замку его кор. мл. Житомирскаго ест припято и записано.

Ibid., a. 1021 об., № 352.

XXX.

Жалоба п. Станислава Оклинскаго о томъ, что братъ его Юзефъ, будучи слугой у п. Вацлава Садковскаго, старосты Кіевскаго (уніатскаго) митрополита, подвергся изъ-за мести послѣднему нападенію со стороны Кіевскихъ мѣщанъ и козаковъ съ вѣдома Кіевскаго войта Ѳедора Ходыки; при этомъ Юзефъ Оклинскій пропалъ безъ вѣсти, а бывшія при немъ вещи ограблены обвиняемыми, —11 іюля 1618 года.

Року 1618. месеца июля одинацатого дня.

На вряде его кролев. мл., в замку Житомирском, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским,

оповедал и обтяжливе жаловал шляхетный п. Станислав Оклинский, иж в року теперешнем, тисеча шестсот осмнадцатом, месеца июня шестнадцатого дня, брат его рожоный Юзефъ Оклинский служилъ час немалый пану Вацлаву Садковскому, старосте отца митрополита Киевскаго, лет колко и, яко слуга будучий, за выправенем и посланем пилным пана своего п. Садковского, з Люблина ехал в справах пана своего до Киева для выбираня побору, тепер уфаленого на сеймє, от подданых отца митрополита Киевского; и кгды прнехал до Киева, тамже господою стал у поддапого отца митрополита Киевского, у неякогос Борща, и вси речи, шаты, гроши, всего того шацуючи могло быти на три тисечи золотых, за ключем тоеж перед тым господыни Борщовой, мел и там, яко чловекъ спокойный, выбираючи побор, в той господе убезпечилсе; и вже в ночи, могло быти годин три, спячи, маючи ранкор на отца митрополита Киевского и на пана его п. Садковского, который там старостою ест, и за его причину и выступок, не могучисе помстити кривды своее на пану его, або на его мл. о. митрополите Киевском, помененого брата его рожоного Юзефа Оклинского, з ведомостю мещан Киевских всихъ, и з ведомостю а з розказаня и насланя теж мещан Киевских отца митрополита Киевского, и з направы а з ведомости тоеж господыни Борщовой, и з ведомости войта Киевского Федора Ходыки и всих радец тогож Киева, посполства того места Киевского, козачки, могло быти их с тридцат, которых козачков тыеж мещане Киевские знают и ведают, яко которого зовут именем и презвиском, и тамже они сами и отцы их домами мешкают у Киеве, яко се вышей поменило, в ночи того часу помененого, никому ничого невинного, чловека спокойного, правом и покоем посполитым убеспечоного, нашедши кгвалтом, без даня причины, взяли з господы и, запровадивши, где спат забили и замордовали чили утопили, и речи част побрали, а иншие речи и гроши все помененая господыня побравши поховала, а частъ до иншых сусед своих тамошних, в Киеве, поотносила; того всего могло быти на тисечу золотых. А

остаток речей того брата моего Юзефа Оклинского, скоро его с тоеи господы взято, намесник того п. Садковского Киевский п. Ероним Крушинский, которых могло быти на триста золотых, до себе побрал. А коня его сивого, который коштовал золотых осмдесят, приятел п. Вацлава Садковского без причины п. Федор Ходыка-Креницкий взял и пограбил. А иж их тут в протестации имена не сут, през неведомост тых кгвалтовников, написаны, часу учиненя ширшое протестации о таковый незбожный учинок оферовалъ чинити, заховуючи однак ее достаточнейшее учинене и написане по взятю ведомости о зойстю брата своего и принципалах всех того учинку от мещан Киевских всихъ, яко се поменило, наединаных, и за ведомостю их на тот злый учинок способленых. А так тое оповедане и протестация помененого п. Оклинского до книг нинешних ест принята и записана.

Ibid., л. 1023, № 353.

XXXI.

Универсалъ коронного гетмана Станислава Жолкъвскаго, отъ 27 іюля 1618 года, съ извѣщеніемъ, что „tak poganie nawalili na pustoszenie y posiadanie Rzpltey, oyczyzny naszey“, что „trzeba y nam o przespieczenstwie swym radzic y rozmyszlac“, и потому приглашаетъ обывателей Кіевскаго воеводства собраться „до купы“.

Ibid., л. 1076, № 414.

XXXII.

Жалоба Бѣлоцерковскаго подстаросты Томаша Шимковича-Шкленскаго, отъ 7 августа 1618 года, о томъ, что п. Павелъ Васильиса, съ толпой вооруженныхъ крестьянъ, напалъ на Германовскаго войта Дмитрія Мисковича и заграбилъ у него, причинивъ тяжкую огнестрѣльную рану, чиншевыя деньги.

Ibid., л. 1068 об., № 404.

XXXIII.

Жалоба Авнука Щломовича, Бѣлоцерковскаго „жида-арендатора кнежати его мл. пана Краковскаго", отъ 7 августа 1618 года, о томъ, что п. Павелъ Вассилиса, „зобравши собе килкодесять чловѣка, конно, збройно, з рознымъ оружьемъ: з луками и з мушькетами, ... учинивши окрикъ татарскимъ обычаемъ, . . . когда люде з Украины, из за Днепра, с Канева, з Пржыщова, с Переяславля купцы з розными товарами" ѣхали на ярмарку въ м. Бѣлую-Церковъ, напалъ на купеческій обозъ и заграбилъ всѣ товары, вслѣдствіе чего „ярмарокъ се розорвалъ".

Ibid., л. 1069, № 405.

XXXIV.

Жалоба п. Николая Малинскаго о нападеніи п. Петра Велегловскаго съ своевольными людьми и козаками изъ полка п. Андрея Олекшича на с. Ораповку имѣя намѣреніе убить тамъ жалобщика, —7 сентября 1618 года.

Року 1618, месеца сентебра семого дня.

На вряде его кр. млти замку Житомирского, передо мною. Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским, ставъши очевисто, урожоный пан Миколай Малынский жалосне и обтежъливе жаловалъ и протестовалсе противко пану Петрови Велекгловъскому, яко принцыпалови учинку нижей менованого, и помочниковъ его, тыми словы, ижъ тот-то пререченый принцыпал п. Велекгловъский, препомневъши боязни Божое, милости ближнего и срокгости права посполитого, на таковых кгвалътовников уфаленого, умыслъне, своволъне и непристойне помененый принцыпал, маючи з собою слугъ и козаковъ, гултяйства, людей сваволных, з войска полку п. Андрия Олекшичового о килъкадесят чловека, з рознымъ оружем, стрелбою огнистою, яко до потребы противко якому неприятелеви Крыжа Светого, зготованными, маючи шпикги по пану Малынъскомъ, где бы милъ оборочати, кгды часу недавного п. Малынский, яко чловекъ никому ничого невинный, будучи покоемъ посполитым обварованый, маючи

потребу до приателя своего, до его мл. п. Яна Мадаленского; для которое потребы, кгды до дому п. Мадаленского, до села Ораповки, приехал и, в дому п. Мадаленского седечи, з ним розмавял, не сподеваючис нячого небезпечного ни от кого, который п. Петръ Велекгловъсний, с тым гултайствомъ, людми розными, и с челедю своею, оных имена и прозвиска ему ведомые, року теперешнего, тисеча шестьсот осмнадцатого, месеца сентебра третего дня, впадъши до села, окрикъ учинивъши, а припадши до двора, кгды ворота были зачинены, почалис до двора добыват, ворота сечи, с пулгаковъ, з рушниц, з мушкетов до дому п. Мадаленского стрелять, где, за постереженемъ се, заледво се с челядкою своею п. Малынский в дому п. Мадаленского оборонил; который, не могучи жалуючого достат, а отежджаючи проч, отповеди и похвалке на здорове его, обецуючи се его, способивъшися з болшим гультяйством—козаками, наехавши, забит; при котором наезде слугу п. Малынского, шляхетного учтивого п. Войтеха Обуховского окрутне, а нелитостиве з мушкету в кулшу правого боку пострелили; с которого пострелу Пан Бог видает, будет-ли жив. Якож помененый, скаргу чинячий, ку великому утверженю тое жалобное скарги своей, просил мене о придане возного на огледане того кгвалтовного наезду и знаков, при том кгвалте починеных также и огледания того слуги своего постреленого. И просил пан Малынский, абы тое оповедане его, также и очевистое возного сознанє, до книг было принято и записано. Штом я, принявши, записати казалъ,—и есть записано.

Ibid., л. 1217. № 451.

XXXV.

Жалоба Житомульскаго старосты Томаша Шкленскаго и всѣхъ обывателей Кіевскаго воеводства о томъ, что когда Шкленскій, по порученію сеймика, захватилъ знамена и разогналъ подъ м. Котельнею шайку своевольныхъ людей п. Андрея Олекшича, разорявшаго шляхетскія имѣнія, то братъ послѣдняго п. Семенъ Олекшичъ

ноль м. Кодней напалъ на жалобщика и отбилъ арестованныхъ и захваченныя знамена,—19 февраля 1618 года.

Року 1618, месеца сентебра 19 дня.

На вряд его кр. мл. кгродский Житомирский, до мене, Яна Галчиновского, подстаростего Житомирского, писал и присылал урожоный его мл. п. Томаш Шимкович—Шклинский, .староста Жикгнулский, слугу своего шляхетного Яна Станишевского, самъ через себе и именемъ всих их мл. панов обывателов воеводства Киевского, оповедаючи се и жалосне протестуючисе на пеякого Андрия Олекшича о то, иж он, препомнювши пристойности своей шляхетской, не дбаючи ничого на вины, правне в конституциях противко таковым сваволником описаные, в року теперешнем, тисеча шестсот осмнадцатом, не маючи жадное слушное оказии ани листов приповедных од их мл. панов урядников военных, зебравши немалую купу людей сваволных, розбойниковъ, которые вес часъ з Дубиною, з Лисовским, с Кошкою и з иншими розбияли, имены и назвиськами добре свидомых, поднявши хорогов приватне, ни на жадную якую прислугу Речи-посполитое, але на розбой, лапане, шарпане добр шляхецких и подданых их, чему се юж были добре призвычаили, дня одиннадцатого сентебра, вшов до добр ее мл. панеи Зофии с Карабчова Ходкевичовой, каштеляновой Виленской, названых Красносюлки и Зарубинец, державы панеи Надаринской, тамже, водлугъ своих данных звычаев, кривды незносные людем тамошним, яко и подорожным, чинили, ее мл. панни Виленская, ведаючи, яко свижо на елекции депутатской в Житомиру их мл. панове обивателе в-дства Киевского, всѣ, згодне прихиляючисе до прав и конституций, противко таковымъ сваволникомъ описаным, и до консенсу его кр. мл. до гамованя того сваволенства, же их мл. выналезли способъ через обране певных особ ротмистрами, так теперешнего протестуючого се и иншихъ, помененого его мл. пана Шклинского о тым помененым лотровстве, едучого з тои елекции . . . . . о оброну и знесене их з маетности своей просила; его мл. п. Шклинский, чинечи

досыт повинности своей и посполитей, уфане воеводства Киевского, яхал там до них и вперед приятелски оных упоминал, абы со непристойне справы не удавали и, тых лунежествъ занехавши, до домов се своих розяхали; они, не будучи вдячни такового упоминания, рушилисе до его мл. п. Шклинского, до даня битвы обычаем непрятелским; там яко Пан Бог здарил, при справедливости его мл., п. Шклинский оных розгромил и розпорошил, которых се могло до рук достать, поймалъ, хоругвъ две од них одебрал и таким способом далшой шкоде и болшему се скупеню лотровства забежал и заборонил; и якожъ и корогвъ тую их от них одебравши и помененого Андрея Олекшича, их старшого, поймавши, его мл. пан Шклинский до кгроду Житомирского одеслати был казал; а кеды его провадзоно, теды за Котелнею, в дорозе, в полю, року вышпомененого, тринадцатого дня сентембра, неякийс Семен Олекшич, брат снат рожоный того Андрея, такъ-же подобных будучи замышлов, зобравши до себе купу сваволников, ему знаемых, потаемне, на доброволней дорозе, перенявши тых слуг его мл. п. Шклинского, которыи провадили до кгроду, меновите: Юрего Карасевича, Ивана Мокиевского, Миколая Шажкевича, обычаем непрятелским погромили, побили, поранили и того розбойника Андрея Олекшича одняли и до уряду Житомирского оддат не допустили, и, до себе взявши, той Семен Олекшич до мешкания своего, где на тот час мешкает, под Коднею, одпровадил. А хотечи его мл. п. Шклинский таковой учинок тых людей сваволных, так Андрея Олекшича, который се был на такие ексцесы вдал, яко и Семена, брата его, который его зас до кгроду до скараня отдат не допустил, публиковат для видомости острежепя се всим их мл. паном обивателом, просил, абы та его мл. протестацпа до книг урядовых кгродских Житомирских была принята и записана,—що отрималъ.

Ibid., л. 1282, № 503.

XXXVI.

Позовъ къ суду п. Михаила Казновского, товарища и козака „нового полку" п. Кришгофа Немирича, и многихъ другихъ по жалобѣ на нихъ п. Ивана Щенѣвского о нанесенїи побоевъ его крестьянамъ, грабежи хлѣба и проч. въ с. Маломъ Щенѣвѣ (иначе Забродѣ),—25 сентября 1618 года.

Року 1618, месеца сентъебра 25 дня.

На врядѣ его кр. мл. замку Житомирского передо мною, Яном Галчиновским, подстаростим Житомирским, ставши очевисто, возный енерал в-дства Киевского, шляхетный Ян Кривковскій, ку записаню до книг врядовых сознал тыми словы: я, Ян Кривковскій, возный енерал воеводства Киевского, сознаваю тым моим сознанемъ, для записаня до книг кгродских Житомирских, иж року теперешнего, тисеча шестсот осмнадцатого, месеца апрля шестого дня, далем очевисте в руки позов земскій Киевскій в дому шляхетных Михайла Казновского, товарыша и козака нового полку его мл. п. Кришгофа Немирича, и малжонки его Маруши Ждановны Щенѣвского Казновское, в селе Великом Щенѣве; писаный тот позов по самых особъ вышречоных: тамже зараз тогож дня и тоеж годины и в томже дому Михала Казновского и малжонки его, на части в них будучим: швагрови их Александру Шуфалекому, Андрееви Павши и Кузминскому, товарыству его и козаком тогож полку п. Немирича другій позов такійже слово в слово далем очевисте в руки; писаные тые обадва позвы по верхумененых особ в жалобе шляхетного п. Ивана Михайловича Щенѣвского, яко сполных принцыпалов, о наезане кгвалтовное на домъ его в селе Малом Щенѣве будучій, о збите и зранене его самого и о побране и полупене маетности поводовое, так грошей готовых и иншое рухомости розное, въ позве его меновалое: тогож року тисеча шестсот осмогонадцатого, месеца августа двадцат осмого дня, дал есми очевисте в руки позвов три земских Киевских в селе Великом Щенѣве, в доме панеи Настаси Вороничны Матысовое Хлусовичовое и сынов ее

Романа и Прокопа Хлусовичов, один позов по речопую панюю Хлусовичовую и сынов ее, другий—дочце ее панеи Мари Хлусовичовне, бывшой Ѳедоровой Щенпевской, а тепер свижого малженства Романовой Сокоровой, третий - зятеви п. Миколаеви Суслу; писаные тые позвы вси три по особъ вышречоных в жалобе шляхетного п. Ивана Михайловича Щенпевского о наехане кгвалтовное на кгрунтъ его сполный села Малого Щенпева, прозываемого Забродя, з вышею братею его, а на нивы его власные дворные, о побране кгвалтовное збожя его власного, жита и пшеницп, и о стрилине за ным самым, возным, и шляхтою, через особъ речоных з мушкетов и ручниц, и о постриляне и на смертъ позабиляне двох псов его дворных, яко то шпрей а достаточней вся реч на тых позвех в середине их ест описана и доложопа. За которым то позвом всим особом речоным, поводовой и позваным, рок перед судом земским Киевским на роках земских Киевских, которые припасти и сужены быти мают в року теперешнем. тисеча шестсот осмнадцатом, на завтрее светого Михайла римского свята, на местцу звыклом судовомъ, в ратушу Киевском, ку праву становитисе зложил и назначил есми. На што дал тое правдивое мое сознане для записаня до книг. с печатю и с подписом руки моее. Котороеж то очевистое возного сознане и тот квит его до книг кгродских ест принято и записано.

Ibid., л. 1288 об., № 511.

XXXVII.

Заявленіе дв. Шимона Нуркевича. слуги князя Януша Острожскаго, объ ограбленіи и нанесеніи ему побоевъ въ м. Полонномъ какимъ-то п. Юрковичемъ съ козаками и мѣщанами,—24 октября 1618 года.

Року 1618, месеца октебра 24 дня.

На вряде кгродском, в замку его кр. мл. Житомирскомъ, передо мною, Яном Галчиновским, подстаростимъ Житомирскимъ, постановившися очевисто. служебникъ ясне-

освецоного княжати его мл. Януша Острозского, каштеляна Краковского, Володимерского etc. старосты, жалосне се ускаржал и оповедал шляхетный п. Шимон Нуркевичъ таковым способом, иж дей в року тепер идучом, тисеча шестсот осмнадцатомъ, месеца октебра двадцат першого дня, то ест у неделю прошлую, прнехалем был для некоторых пилных потреб своих до места Полонного, маетности ясneосвецоного княжати его мл. Януша Острозского, воеводича Волынского, тамже, доведавшис о мне, же я ест слугою кн. его млти п. Краковского, неякийс п. Юревичъ, который се менил быти слугою кжти его мл. Януша Острозского, с килкадесят козаковъ и месчанъ Полоньских, нашедши моцне квалтомъ на господу, тамже мне безвинне побили и окрутне шаблями поранили, коні мои и иншие речы, на он час при мне будучие, яко гроши готовые, брони, сукни, розшарпавши, межи себе побрали и до поневолного квиту, который есми, рад не рад, дати оным мусель, примусили. О которой таковой деспектъ свой и побране маетности правне себе с тым то паномъ Юревичом и с кождым таковымъ, до кого се слушная дорога причинцами и помочьниками покажет, поступит не занехамъ, заховуючи на сес час салву до учинения инакшое ширшое протестации собе и тож власне, кгды ме Пан Бог от того болю оздоровити будет рачил, которую, з реляцею возного, без омешкания подати не занехамъ; а на сес час о прыдане возного до огледанья того збитя и зраненя своего жадаю, и абы тое кротке оповедане мое в способъ акту до книг принято и записано было. А такъ я, вряд, с повинности своеи, оному возного енерала воеводства Киевъского шляхетного, которого собе способити будет могль, придавши, тое оповеданье принявши, до книг записати казал,—што ест записано.

Ibid., л. 1330 об., № 519.

XXXVIII.

Жалоба п. Константина Щенѣвскаго, отъ 30 октября 1618 г., „противко шляхетныхъ панов Корнѣя Щенѣвскаго и малжонки его Настаси Меленевского и Григория и Семена Щенѣвскихъ, яко своволныхъ козаковъ и товарышовъ полковъ п. Лащового и п. Миска Фастовца, также и Тимофея Волковскаго, яко сполныхъ принципаловъ“, о томъ, что обвиняемые напали на улицѣ въ с. Маломъ Щенѣвѣ, „прозываемом Забродю“, на жалобщика и нанесли тяжкія раны и побои ему и двумъ его слугамъ; справедливость жалобы свидѣтельствует возный.

Ibid., л. 1344, № 565.

XXXIX.

Заявленіе п. Станислава Фасча и его жены, отъ 1-го ноября 1618 года, о томъ, что „мѣсецъ сентебръ—мѣсецъ октябръ, дней розных, за впадненемъ до панствъ его кор. мл. Короны Польское у воеводства: Волынское, Подольское и тутошне Киевское, татарина, непріятеля Крыжа Светого и за спустошенемъ и паленемъ красъ тых черезъ них, тоды и волости Бердичевское и Махновское села немало всѣ попустошили и попалили, людей з жонами и з дѣтьми и з маетностю въ неволю поганскую, въ полон побравши, погнали“; вмѣстѣ съ другими селами, было разорено и с. Великій Волчинецъ, „над речкою Волчинцомъ“, арендованное жалобщиками у сына Брестскаго воеводы Фридриха Тишкевича „з Логойска“ и его жены Софіи „з Острога княжны Жаславскаго“; въ этомъ селѣ татары—„поганство, впадши, двор наш зо всѣм будованем, яко се самъ в собе мял, до того село усе до счету, въ котором было подымя сто и тридцат, с фолварками, з гумнами и вшелякимъ збожьем зложеным. фолварек мой власный дворный, в котором было пашни самое оимое и ярое чотыри тысячи копъ, до того броваре, слодавни, винницу зо всим начинемъ, млыны до самого фундаменту и около гребли тарасоване, в полях около всѣ збожя въ стогах, в стыртах и сѣна так наши дворные, яко и подданных наших Волчинских все а все от мала до веля, же се ничого не зостало, огнем попалили, попустошили и в нивеч праве обернули; подданных петдесят

зо всимъ на все, з жонами и з детми и вшелякою маетностю их взято, а пяти на смерть постинано; с которое маетности повинностий жадных, скарбови его кор. мл. належачих, полнити и их давати нимаш с чего". Заяленіе это засвидѣтельствовано возным и понятыми.

Ibid., л. 1351 об., № 576.

Другое подобное же заявленіе было сдѣлано п. Яномъ Бранскимъ о разореніи татарами с. Поличинецъ, арендованнаго жалобщикомъ у того же Тишкевича.

Ibid., л. 1308, об., № 533.

XL.

Отрывокъ письма Θеофила Леоновича изъ Люблина къ о. Іосифу (Бобриковичу?) въ Вильно съ похвалой Виленскимъ школамъ, съ извѣстіемъ объ успокоеніи греческой религіи, съ изложеніемъ содержанія писемъ козачества, требующаго уничтоженія уніи и уплаты вознагражденія, обѣщаннаго королевичемъ (вѣроятно, за Хотинскую войну и проч.,—15 февраля 1622 года.

Wielebny w Christusie oycze Josephie! . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

„Nowin w naszych krajach mało co: kozacy, jusz to drudzy temi czasu jachali do Warszawy z listem do pp. senatorow, ktorsymy czytali; szyroce o uspokojenie y zniesie(nie) uniey tamo pisano; a iesliby uspokoieni nie byli, straszą confederatią przed tym nie słychano; piersy otprawiono z obetnico takową, jsz ich uspokoją; na co w drugim liscie tak pisali: „jesli k. jego mosc chce tylko nas, tedy chce wszytką Rus kozakami poczynic, bo kozdy zachce pokoju w wierze;" na koncu zas proszą o zosłuzone wedlug obetnicy krolewiczowcy.

Ze Lwowa do nas pisano, ze confedratią żolnierze podniesli dla dwuch przyczyn; piersza: ze im kr. j. mc. nie chce płacic tyle za 3 cwierci; oni zas wmiasto nagrody chcą za pienc; druga: czerwone złoty ndają, jako tu wzędzie

idą, po 6 złotysh, a oni nie chcą-tyle 4; talerze po połtrzecia im dają, po 4.

Posel turecki, zpodziewayą sie, ze prętko będzie otprawiony.

Graeckiey religiey iest wloszyn imieniem Baptista, byl u niego w Zamosciu.

Pan Jzaiajsz Moskiewski takze, jakosmy słyszeli, pieknie iest otprawiony.

Mię się dobrze.

Z Lub. Anno 1622, Februarij 15 die.

Рукопись библіотеки Кіево-Печер. лавры, Дополн., № 20, лл. 87 и 88.— См. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ", Н. И. Петровъ вып. II, Москва, 1896 г., стр. 31.

2007063187